

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Рябкова Т. В.

Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики

Светлой памяти Людмилы Константиновны Галаниной посвящается

Резюме. В статье впервые полностью публикуются и детально анализируются материалы кургана 524 у с. Жаботин, исследованного в 1913 г. под руководством А. А. Бобринского (коллекция ГЭ 1913/2). Неослабевающий исследовательский интерес к материалам комплекса обусловлен сочетанием в нем предметов предскифского и раннескифского облика, что позволило считать его эталонным памятником для древнейшего этапа в развитии материальной культуры раннескифского типа. Тщательное изучение всех предметов этого хрестоматийного комплекса позволило не только обосновать и конкретизировать ранее известные положения, но также привело к новым неожиданным результатам. Выяснилось, что комплекс имеет многокомпонентный характер: в него входят предметы, характерные для различных культур предскифского периода (новочеркасской, кобанской, протомеотской и круга гальштаттских (карпато-дунайских) памятников). Это является главной особенностью периода РСК-1, характеризующегося сочетанием предметов новочеркасского и раннескифского облика, что свидетельствует о полном или частичном сосуществовании новочеркасской и раннескифской культурных традиций. Комплекс демонстрирует наличие более тесной связи с кругом культур Северного Причерноморья и Предкавказья, нежели с культурами Центральной Азии, хотя в нем имеются как собственно центральноазиатские вещи или их реплики, так и предметы, генезис которых, безусловно,

Ryabkova T. V. Barrow No. 524 near the village of Zhabotin and its place among the sites of the Scythian Archaic Period. The paper contains the first full publication and detailed analysis of the materials from Barrow No. 524 near the village of Zhabotin, excavated in 1911 by A. A. Bobrinsky (State Hermitage collection 1913/2). The continued interest to the materials of this assemblage is caused by the fact that it combines the objects of both pre-Scythian and Early Scythian type, which allows to consider it a reference site of the oldest stage of the Early Scythian period. The careful study of all the objects from this well-known assemblage has enabled the author not only to substantiate and clarify a number of previously stated points, but also to obtain some new and unexpected results. It has become clear that the assemblage is a multi-component one: it includes objects characteristic of different cultures of the pre-Scythian period such as the Novocherskassk, Koban and Proto-Meotic cultures, and the group of Hallstatt (Carpathian-Danube) sites. This multicomponentness is the main characteristic of the Early Scythian Culture period 1 (hereafter ESC-1), testifying to the full or partial co-existence of the Novocherskassk and Early Scythian cultural traditions. The assemblage shows more connections with the North Black Sea and Fore-Caucasian cultures, than with the Central Asian ones, though it does contain Central Asian things and their replicas, as well as some objects of undoubtedly eastern origin. The inventory of Barrow 524 near the

связан с восточными регионами. По составляющим компонентам инвентарного набора курган 524 у с. Жаботин может быть отнесен к тому же хронологическому пласту, к которому относятся такие широко известные памятники, как погребение 1 кургана 2 у с. Ендже, курган у с. Белоградец, курган у с. Ольшана, курган у с. Квитки, курганы 375 и 15 у с. Константиновка, курганы 1 и 2 могильника Хаджох I, погребения у Имирлера, в Норшунтепе и др. Материалы этого хронологического пласта представлены и в поселенческих памятниках: в горизонте Жаботин-II Жаботинского поселения, горизонте A2 Западного Бельского городища, в нижних слоях Дербентской крепости, в слоях Богазкея, Тарса, Каман-Кале Хоюка. Часть перечисленных памятников, в соответствии с хронологической схемой Коссака — Медведской, относится к этапу РСК-1, даты которого определены в границах середины — 2-й половины VIII в. до н. э. Все это позволяет определить время сооружения кургана 524 у с. Жаботин ближе к середине VIII в. до н. э. Такая датировка дает основания иначе взглянуть на материальную культуру этапа РСК-1, которая является северо-причерноморской переработкой предметов вооружения и узды, появившихся в Причерноморье вместе с приходом групп кочевого населения из центральноазиатского региона. Сама переработка форм предметов вооружения и узды происходила в регионах Северо-Западного Кавказа и Предкавказья на местной материально-технической базе и была обусловлена как влиянием местных традиций, тесно связанных с кобанской культурой и культурами Карпато-Дунайского региона, так и необходимостью адаптации вооружения к менявшимся условиям ведения военных операций. Вероятно, именно на этом этапе и произошло проникновение кочевых группировок в Закавказье и Малую Азию, археологическим свидетельством чего являются находки артефактов, относящихся к этапу РСК-1 в Малой Азии, где киммерийское присутствие засвидетельствовано данными письменных источников.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, курган 524 у с. Жаботин, этап РСК-1, середина VIII в. до н. э., вооружение, конское снаряжение, керамика, сосуществование новочеркасской и раннескифской культурных традиций.

village of Zhabotin appears to be coeval with such famous assemblages as burial 1 from Barrow 2 near the village of Endge, Barrow near the village of Belogradetz, Barrow near the village of Ol'shana, Barrow near the village of Kvitki, Barrows Nos. 375 and 15 near the village of Konstantinivka, Barrows 1 and 2 from the Khadzhokh 1 cemetery, burials near Imirler, in Norshuntepe, etc. The materials of this chronological stage are also found on settlement sites, including the Zhabotin-II horizon of the Zhabotin settlement, horizon A2 of the Zapadnoe Belskoe fortified settlement, the lower layers of the Derbent fortress, as well as Bogazkei, Tarsa, Kaman-Kalehöyük. According to Kossack's — Medvedskaya's chronological scheme, a part of these sites belongs to the ESC-1 stage, i.e. to the middle and the second half of the VIII c. BC. This means that Barrow 524 should be dated close to the middle of the VIII c. BC. Such a dating gives grounds to re-evaluate the material culture of ESC-1, which represents a regional (North Black Sea) recast of the weaponry and harness, that were brought to the Black Sea area by groups of Central Asian nomads. This transformation was caused by both the influence of local traditions, intimately connected with the Koban culture as well as the Carpathian-Danube cultures, and the necessity to adapt the weapons to ever-changing military conditions and requirements. Probably, it was at this stage that nomads penetrated into the Trans-Caucasus and Asia Minor, as is evidenced by the finds of ESC-1 artifacts in the latter region. The presence of Cimmerians in Asia Minor is attested by written records.

Keywords: North Black Sea region, Barrow 524 near the village of Zhabotin, ESC-1 stage, middle of the VIII c. BC, weaponry, harness, pottery, co-existence of the Novocherkassk and Early Scythian cultural traditions.

История исследования

Курган 524 у с. Жаботин был единственным курганом, исследованным под руководством А. А. Бобринского в 1913 г. (Бобринской 1916: 1–3). На протяжении столетия, прошедшего со времени раскопок памятника, интерес к нему не ослабевает: в любой научной работе по раннескифской (и шире — кочевнической) проблематике практически всегда рассматриваются его материалы. Курганы и поселение у с. Жаботин стали эпонимными: древнейший этап в развитии материальной культуры раннескифского типа, хронологически разделяющий новочеркасский и келермесский этапы, был назван «жаботинским» (Ильинская 1975: 68; Ильинская, Тереножкин 1983: 234; Kossack 1987; Медведская 1992: 86). Тем не менее, материалы кург. 524 у с. Жаботин, хранящиеся в Государственном Эрмитаже (коллекция ДН 1913/2), никогда не были полностью опубликованы. В первой публикации А. А. Бобринской привел «опись предметам, добытым при раскопках» и фотографии золотых бляшек, каменной булавы, 7 из 31 наконечников стрел (Бобринской 1916: 2–3). В. А. Ильинская, вновь обратившаяся к материалам комплекса, опубликовала рисунки 8 наконечников стрел, удила и псалиев, панцирных пластинок, ножа и керамических сосудов (Ильинская 1975: 20, табл. VII).

Изучение коллекции в фондах отдела археологии Восточной Европы и Сибири ГЭ показало, что к ней относится ряд предметов, не упомянутых в предыдущих публикациях и не введенных в научный оборот. Публикации и интерпретации этих предметов посвящена серия статей (Рябкова 2005; 2007; 2009; 2010б; Дараган 2011). Предлагаемая полная публикация материалов этого комплекса с уточнением описаний и размеров всех предметов, в том числе и не упоминавшихся ранее, дает возможность, на наш взгляд, по-новому осветить ряд важных вопросов периода скифской архаики.

История исследования по архивным документам. Изучение рукописного отчета А. А. Бобринского (научный архив ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1913, д. 300, л. 35–36) показало, что текст отчета, опись предметов и фотографии булавы, бляшек и наконечников стрел практически полностью, без поправок, воспроизведены в печатном издании (Бобринской 1916: 1–3). Чертежей и схем нет, однако в деле есть различные документы (табели учета работ, расписки, ведомость), которые позволили уточнить специфику организации работ, количество времени и затрат труда, потраченных для раскопок. Выяснилось, что значительную помощь графу А. А. Бобринскому в организации разведок и раскопок оказывали братья(?) Антон и Самсон Коломийцевы, поскольку именно Антон Коломийцев расписывался в ведомостях — видимо, был организатором и руководителем рабочих, производивших раскопки. Вероятно, это была не постоянно работающая артель, а нанятые в селе крестьяне — по табелям заметны изменения в составе раскопчной группы. Начали раскапывать курган 26 августа, закончили 12 сентября. Таким образом, работали чуть более 2 недель, число работников менялось: первую неделю работали 7 человек, но уже к концу недели, когда стал ясен объем работ, количество рабочих увеличилось до 13. Основная работа была выполнена за 8 рабочих дней силами 19 человек. Курган находился на землях крестьянина Василия Савченко, которому было уплачено за право «раскопки кургана» и за его последующую засыпку (научный архив

ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1913, д. 300, л. 7, 20). Находился ли А. А. Бобринской при этих раскопках постоянно — сказать сложно, вероятнее всего, периодически туда навещался. Методика работ была стандартной для А. А. Бобринского: как правило, курганы раскапывались при помощи котлована по центру насыпи — в описаниях он всегда приводит данные о диаметре этого раскопа. Как следует из описания, диаметр кургана составлял порядка 68 м, таким образом, раскоп диаметром 11,5 м позволил исследовать лишь небольшую центральную часть насыпи. Сбоку была еще выкопана широкая траншея.

Описание работ представляется целесообразным привести полностью: *«Курган располагался на возвышенности близ с. Жаботин, рядом с курганом № 523, длина его окружности составляла около 215 м, высота насыпи — 5,4 м. Исследование насыпи производилось широким раскопом диаметром 11,5 м. Сбоку прорыта еще широкая траншея. Находившаяся под насыпью могила оказалась совершенно разграбленной в старину. Следы разграбления встретились в южной поле насыпи, где найдены обломки сильно истлевших человеческих костей, части железных игл, кусочки румян и серы, обломки стеклянных и янтарных бусин, обломки дерева, куски обгорелой глины и угли, обломок каменной плиты со следами красной краски. Над могильной ямой, расположенной в центре кургана, была настлана толстая покатая деревянная крыша, оконечности которой далеко залегали за края могилы. Верхние части крыши встречены в насыпи на высоте около 2 м над уровнем грунта (то есть, на глубине порядка 3,4 м от поверхности насыпи). У самого уровня грунта оказался второй слой деревянных обломков, представляющих остатки второй крыши или деревянной настилки, установленной на грунтовой земле. Под этой настилкой в центре кургана оказалось большое разграбленное и разрушенное могильное помещение, весьма немного углубленное ниже поверхности грунта¹, а может быть, устроенное и на грунтовой площадке без углубления. Деревянные столбы и стенки склепа обвалились, так что определить его размеры оказалось затруднительным. В этой могиле, в слоях обрушившегося дерева найдены разбросанные обломки человеческих костей и при них подобраны кое-какие предметы, как то: каменная булава, бронзовые удила, пара бронзовых прямых псалий, бронзовые чешуйки от панциря с просверленными отверстиями (большинство этих пластинок рассыпалось, из большого их количества удалось собрать в целости около 300 штук), обломки бронзового предмета, две золотые бляшки в виде лежащих ланей. Далее обломки железного широкого меча и мелкие обломки другого оружия железного и бронзового. Найдены так же бронзовые наконечники стрел (31 экз.) отличной выделки. Стрелы большие, двубокие, старинного образца. В некоторых втулках уцелели остатки древков. Многие стрелы снабжены боковыми шипами. Из посуды встретились обломки от четырех или пяти глиняных чарок обычного скифского образца, с белыми инкрустированными узорами на черном фоне. По очистке грунтовой площадки, на которой сооружен был деревянный склеп, оказалось возможным судить о построении склепа. По сторонам могилы установлены были ряды тесно приставленных один к другому стволов деревьев. На этих стволах установлена была крыша склепа. Стволы поставлены были в канавках, глубиной*

¹ Видимо, имеется в виду уровень дневной поверхности.

0,55 м, прорытых в грунтовой глине по всем сторонам могилы. Нижние концы стволов, вкопанные в землю, носят следы обжигания. По четырем углам могилы поставлены были дубовые стволы огромных размеров. Остальные стволы и крыша были из дубового и берестового леса, всего стволов 54, по 16 штук по длинным сторонам могилы и 11 по коротким. Диаметр каждого ствола (кроме угловых) около 0,35 м. Размеры склепа: длина (СЗ–ЮВ) 6,3 м, ширина 5,45 м» (Там же, л. 35–36).

Конструкция подкурганного сооружения

Из описания А. А. Бобринского трудно составить точное представление о конструкции погребального сооружения. Как будто очевидно, что под насыпью находился склеп, устроенный из бревен, вертикально установленных в канаву глубиной 0,55 м, прорытую в глинистом слое. Именно по размерам канавы определены размеры склепа: 6,3 × 5,45 м. В таком случае как будто становится понятным утверждение А. А. Бобринского о «большом могильном помещении, весьма немного углубленном ниже поверхности грунта, а может быть, и устроенном на грунтовой площадке без углубления». Вероятно, пространство, ограниченное канавками, не выглядело как могильная яма. Сооружение было перекрыто покатой (наклонной?) крышей, остатки которой зафиксированы на высоте около 2 м над уровнем грунта (Ильинская 1975: 20). В таком случае непонятно, к какой конструктивной части сооружения относится «второй слой деревянных обломков у самого уровня грунта». Можно предположить, что это не «остатки второй крыши», а «настилка, установленная на грунтовой земле»: в таком случае деревянные остатки являются не крышей, а полом склепа, чему не противоречит и сообщение о находках вещей в этом слое. Кроме этого значительная толщина вкопанных столбов, особенно угловых, а также частота их установки показывают, что конструкция была прочной и рассчитанной на вес тяжелого перекрытия.

В. А. Ильинская, отнесшая конструкцию подкурганного сооружения в кург. 524 у с. Жаботин к «деревянными склепам на грунте и со впущенным в грунт основанием», в качестве аналогий ему привела подкурганные сооружения курганов 395 у с. Грушевка, 346 у с. Теклино (Орловец), 11 и 12 у с. Остияжка, 411 у с. Журовка (Ильинская 1975: 83). Однако необходимо отметить, что подкурганные сооружения этих памятников значительно отличаются от жаботинского. Вероятно, необходимо согласиться с Г. Т. Ковпаненко и С. С. Скорым, определившими подобную конструкцию как «частокольный деревянный склеп» и сопоставившими конструкции подкурганных сооружений из кургана у с. Олшана, исследованного в 1984 г. на современном методическом уровне, и кург. 524 у с. Жаботин (Ковпаненко, Скорый 2003–2004: 270).

Историография

Тема курганов у с. Жаботин в той или иной степени затронута многими исследователями (Полин 1987; Смирнова 1993; Иванчик 2001; Скорый 2003; Эрлих 2007; Дараган 2011; и др.). Понятие «жаботинский этап» является основополагающим в изучении предскифской и раннескифской истории. Составляющими этого понятия являются хронологические, типологические, культурологические

построения, основанные в большей степени на материалах кург. 2 и 524 у с. Жаботин и Жаботинского поселения. Изначально это понятие обозначало промежуток между периодами существования малых чернолесских и больших скифских городищ, постулированный Е. Ф. Покровской в результате исследования поселения у с. Жаботин. В рамках этого хронологического периода ею были выделены 4 последовательные группы погребальных памятников: Тенетинковская, Константиновская, Жаботинская и Старшежуровская. Для Жаботинской группы опорными были признаны кург. 2 и 524 у с. Жаботин и Мельгуновский курган. Для всего этапа Е. Ф. Покровской и М. И. Вязьмитиной была предложена дата в границах VII в. до н. э. (см. Дараган 2011: 17–18). Развитие и изменение представлений о хронологии и периодизации предскифских комплексов Приднепровья и Северного Кавказа влияло и на изменение представлений о месте жаботинских памятников. Однако в большинстве построений материалы жаботинских курганов использовались без детального анализа вещевых категорий, лишь в качестве ссылок: «...наиболее выразительным является богатый набор вещей, происходящий из известного кургана 524 у с. Жаботина, который по комплексу вещей принято твердо датировать второй половиной VII в. до н. э.» (Тереножкин 1971: 74).

Непосредственно к материалам этих курганов обратилась В. А. Ильинская, опубликовавшая и проанализировавшая материалы тясминских курганов Приднепровья (Ильинская 1975). Она обратила внимание на то, что среди вещей кург. 524 наряду со скифскими обнаружены предметы «более ранних докелермесских форм», что позволило ей синхронизировать кург. 2 и 524 с культурой Новочеркасского клада (Там же: 62). Определяя дату курганов в границах конца VII в. до н. э., она считала, что они являются заключительным звеном жаботинского этапа при переходе к скифскому периоду. Важный вывод о том, что наконечники стрел жаботинского типа «проникли в Причерноморье из глубин евразийских степей» был обоснован лишь тем, что, поскольку генетическая связь между более ранними, новочеркасскими и более поздними, жаботинскими, наконечниками стрел отсутствует, значит, они были привнесены. При этом отмечается, что бронзовые наконечники стрел с ромбическим пером распространены на территории от Северного Кавказа, Закавказья и Передней Азии до Монголии, Казахстана и Памира (Там же: 105–106). Поэтому привнесенность наконечников стрел из «глубин евразийских степей» — это следствие принятия В. А. Ильинской центральноазиатской гипотезы происхождения скифской культуры А. И. Тереножкина.

Далее взгляды исследователей на хронологическую позицию комплекса кург. 524 изменялись в сторону удревления. Однако это происходило, как правило, не в связи с новым обращением к его материалам, а вследствие изменения представлений о хронологии жаботинского этапа в целом и соотношении с переднеазиатскими скифскими походами.

Г. Коссак относил кург. 524 к числу памятников предкелермесского времени и считал, что вещи из жаботинских курганов относятся к древнейшей группе форм и могут быть датированы рубежом VIII/VII — началом VII в. до н. э. Понижение абсолютной даты было обусловлено мнением исследователя о том, что разница во времени между новочеркасскими и рядом раннескифских памятников, объединенных общими типами вещей, не может быть значительной.

При этом если учесть, что параллели предметам новочеркасских типов в Центральной Европе относятся к эпохе поздней бронзы, то и степные новочеркасские памятники должны не выходить за границу VIII в. до н. э. (Kossack 1987: 27, 31). И. Н. Медведская, поддержав выделение Г. Коссаком трех хронологических групп раннескифской культуры, акцентировала внимание на выделении основных групп предметов, характерных для каждой группы (этапа). Этап РСК-1 получил название жаботинского и был определен в границах 750–700 гг. до н. э. (Медведская 1992: 87–88). М. Н. Дараган, анализируя материалы Жаботинского поселения, выделила 4 последовательных этапа его существования и отнесла комплекс кург. 524 к началу III этапа, считая, что памятник представляет авангард кочевнической воинской субкультуры в Среднем Поднепровье (Дараган 2011: 763) и должен датироваться временем не позднее конца VIII в. до н. э. (Там же: 572).

Анализ предметов из вещевого комплекса кургана 524 у с. Жаботин

Материалы раскопок А. А. Бобринского из кург. 524 у с. Жаботин поступили в Эрмитаж из ГАИМК в 1926 г. (акт от 5 июня 1926 г.). В результате работы с коллекцией появились новые данные: 1) удалось собрать еще один фрагментированный нож с изогнутой спинкой (кроме длинного ножа со слегка изогнутой спинкой, склеенного в довоенное время из обломков, хранившихся под разными инвентарными номерами); 2) было определено, что предметы, обозначенные в инвентарной книге, как «пластины бронзовые», являются частями разных предметов: одни относятся к чешуйчатому панцирю, другие являются фрагментами орнаментированной бронзовой ситулы; 3) не определенные ранее фрагменты керамики удалось соотнести с фрагментированными небольшой корчагой и кубком. Описания, размерные характеристики, техника изготовления всех предметов, относящихся к этой коллекции, приведены в Каталоге (см. ниже), вновь выполненные рисунки предметов приведены в табл. 1–8, номер в таблице соответствует номеру в каталоге.

Колчаный набор. Как и сам курган, набор «больших, двубоких, старинного образца» (Бобринской 1916: 2) наконечников стрел стал эпонимным: словосочетания «жаботинский тип наконечников» наряду с «жаботинским этапом в развитии материальной культуры раннескифского типа» употребляются настолько часто, что сами по себе являются уже классификационными единицами. Как правило, заключение о том, что колчаный набор какого-либо комплекса включает наконечники жаботинского типа, позволяет отнести памятник к жаботинскому этапу, что, в свою очередь, влечет за собой ряд выводов, касающихся хронологической позиции комплекса. Вокруг наконечников стрел из кург. 524 у с. Жаботин сформировалась большая историографическая традиция, которая, тем не менее, в большей степени касается не конкретных предметов, а понятия «жаботинский тип наконечников стрел».

В. А. Ильинская, выделившая наконечники стрел новочеркасского и жаботинского типов, указывала, что типологическими признаками наконечников жаботинского типа являются массивность, наличие двух лопастей, значительная (до 5 см) общая длина, асимметрично-ромбовидная форма пера, охватывающего длинную выступающую втулку до двух третей ее размера, наличие шипа

(Іллінська 1973). Она также наметила линию эволюции жаботинских наконечников с ромбическим пером и выступающей втулкой от асимметрично-ромбических (длинно-ромбических) наконечников типа Енджа (получивших название раннежаботинских), определив их связь с ранним этапом истории скифов в Северном Причерноморье, с формами наконечников, «принесенными из глубин Степного Востока» (Там же: 17, 26). Обоснованием этого положения являются отсутствие типологического сходства между новочеркасскими и жаботинскими наконечниками, с одной стороны (Ільинская 1975: 106), и наличие генетической преемственности между наконечниками из погр. 1 кург. 2 у с. Енджа и кург. 524 у с. Жаботин, сходство енджинского колчанного набора с набором стрел из кург. 55 могильника Южный Тагискен (Там же: 65–66), широкое распространение жаботинских наконечников на востоке: в Поволжье, Казахстане, Южной Сибири, на Памире и Алтае (Іллінська 1973: 18), с другой.

Далее С. В. Полин объединил раннежаботинские наконечники (типа Енджа) и позднежаботинские (типа Жаботин 524) в один тип «Енджа–Жаботин» и подчеркнул их тесную связь с наконечниками IX–VIII вв. до н. э. типа Малой Цимбалки и Высокой Могилы. По его мнению, наличие этой связи не позволяет считать наконечники типа «Енджа–Жаботин» инновацией VII в. до н. э. (Полін 1987: 20). М. Н. Дараган и В. А. Подобед поддерживают правомерность объединения наконечников типа Енджа и типа Жаботин в тип «Енджа–Жаботин», акцентируя его центральноазиатское происхождение (Дараган, Подобед 2011: 564, 574).

Несмотря на то что В. А. Ільинская отмечала встречаемость наконечников типа Жаботин с наконечниками келермесского типа не только в Причерноморье (кург. 406 Журовка, кург. 4 Скоробор, кург. 1 Осняги, кург. 15 Аксютинцы, кург. 3 и 9 Комаровский), но и в переднеазиатских памятниках (Тарсус, Джерар, Зивийе) (Іллінська 1973: 18), общепринятым является мнение о том, что скифские наконечники стрел представлены в Передней Азии в основном келермесскими формами, а все археологические находки кочевнического облика в Передней Азии в целом относятся к этапу РСК-2 (Иванчик 2001: 49, 57; Медведская 1992: 105).

Таким образом, на сегодняшний день в исследованиях, посвященных древнейшему этапу скифской истории в Причерноморье, аксиоматичными являются представления о том, что: 1) жаботинский тип наконечников маркирует древнейший, вероятно, допоходный этап, поскольку в памятниках Передней Азии таких наконечников практически нет; 2) наконечники жаботинского типа древнее наконечников келермесского типа и, соответственно, курганы Келемеса моложе кург. 524 у с. Жаботин, поскольку в них отсутствуют наконечники жаботинского типа (см. Иванчик 2001: 48); 3) генезис наконечников жаботинского типа связан с центральноазиатским регионом; 4) наличие наконечников типа Енджа–Жаботин в памятниках Причерноморья связано с активностью кочевников, вероятно, мигрировавших из центральноазиатского региона, результатом чего явились слои разрушения на поселениях жаботинского времени в украинской лесостепи и Закавказье (Дараган, Подобед 2011: 563–570).

Представляется, однако, что часть этих «бесспорных» утверждений нуждается в проверке, дополнительных обоснованиях и уточнении, главным образом потому, что в набор из кург. 524 у с. Жаботин входят экземпляры,

в значительной мере отличающиеся друг от друга. При определении типа наконечника, кроме признаков, сформулированных А. И. Мелюковой (поперечный разрез, форма головки, соотношение длины и ширины наконечника, наличие внутренней или внешней втулки и ее размеры — см. Мелюкова 1964: 16), необходимо учитывать такие признаки, как форма, размеры и место прикрепления шипа, наличие выделенной нервюры, доходящей до острия пера, место максимального расширения пера. Если учесть, что ромбическая форма пера может приобретать более сглаженные очертания благодаря заточке (Дараган, Подобед 2011: 564), то размеры, длина втулки и шипа, его форма и место прикрепления, наличие нервюры задаются исключительно литейной формой и в таком качестве являются важными признаками. Столь же важно учитывать размер наконечника, поскольку от него зависит вес, влияющий на баллистические свойства стрелы в сборе.

Колчаный набор рассматриваемого комплекса состоит из 30 бронзовых двухлопастных наконечников стрел (**кат. 1–30**), из которых 26 имеют шипы на втулках, 3 без шипов и один наконечник фрагментирован, кроме этого в нем представлен и фрагментированный костяной наконечник (**кат. 31**). По заключению ведущего научного сотрудника ОАВЕС ГЭ Р. С. Минасяна, большая часть бронзовых наконечников не имеет признаков использования: на них отсутствуют следы деформации, заточка выполнена некачественно.

Представляется целесообразным описывать наконечники по группам с учетом их особенностей.

Группа 1 (рис. 1.1). 17 экземпляров стандартны (**кат. 1–17**), еще один отличается от них только ассиметрично-ромбической формой пера (**кат. 18**); основной их особенностью является наличие длинной втулки с длинным шипом в ее верхней части. Важно отметить, что такие признаки, как крупные размеры, ромбовидная форма пера с максимальным расширением в средней части бойка, нервюра, проходящая до острия, наличие длинной втулки с длинным шипом, прикрепленным в ее верхней части, редко сочетаются в одном изделии. Лишь некоторые наконечники, обнаруженные в погребениях у Имирлера, Самтавро, Бажигана, слоях Богазкея, Тарса, Каман-Кале Хоюка, Дербента, хранящиеся в музеях Анатолии, по всем этим параметрам аналогичны жаботинским.

Если считать, что наиболее массово представленные в жаботинском колчане наконечники стрел являются эталоном «жаботинского типа», т. е. маркерами самого раннего этапа раннескифской культуры, то необходимо признать, что наконечники с аналогичными параметрами встречаются довольно редко и исключительно в памятниках Малой Азии (Анатолии), Северо-Западного Прикаспия и Закавказья. Это обстоятельство может обозначать присутствие кочевников с аналогичным стрелковым оружием в этих регионах на том же историческом отрезке, когда был сооружен кург. 524 у с. Жаботин, или близко к нему, т. е. на этапе РСК-1. Однако это не согласуется с известным представлением о том, что в Передней Азии представлены лишь артефакты этапа РСК-2.

Группа 2 (рис. 1.2). 3 экземпляра (**кат. 19–21**) отличаются от массово представленных в данном наборе меньшими размерами, более короткой втулкой и прикреплением шипа в средней ее части. Подобные им массивные наконечники встречаются редко и аналогии им так же немногочисленны: они происходят из памятников Астраханского Заволжья, Нижнего Поволжья, Северского

Донца (сборы Сибилева в Изюмском уезде), Ставрополя (кург. 9 Красное Знамя), Закавказья (Нонамме-Гора) и Передней Азии (Богазкей, Каман-Кале Хоюк).

Группа 3 (рис. 1.3). Один экземпляр отличается от описанных выше длинновтульчатых наконечников меньшим размером, несколько более короткой втулкой и листовидной формой пера. Небольшой (возможно, отлитый не до конца) шип прикреплен в верхней части втулки (**кат. 22**). Несмотря на то что листовидные (лавролистные) наконечники с шипами — одна из самых распространенных форм наконечников стрел, прямых аналогий жаботинскому экземпляру немного, так как он отличается от прочих более длинной втулкой. Если считать, что шип наконечника не был до конца отлит, то наиболее близкими аналогиями ему являются наконечники с длинными шипами (Тарс, Богазкей, кург. 41 Клады). Наконечники из кург. 9 могильника Красное Знамя несколько миниатюрней, наконечники из Келермеса и кург. 406 у с. Журовка имеют немного отличающиеся пропорции пера и длину втулки (рис. 1.3).

Группа 4 (рис. 1.4). Единственному экземпляру с симметрично-ромбовидным пером и утяжеленной головкой (**кат. 23**) наиболее близки по форме, пропорциям и размеру наконечники из погребения у Имирлера и кург. 5ж могильника Карамурун I в Центральном Казахстане. Наконечники с утяжеленной головкой встречаются в памятниках Малой Азии: значительная серия происходит из разрушенного погребения близ Амасьи (Иванчик 2001: рис. 23: 41–94); из Тарса происходит один наконечник; большое количество известно в музеях городов Измира, Сиваса, Испаты и др. (см. Yalçıklı 2006: Taf. 4: 35–40). Большинство этих наконечников отличаются от жаботинского размерами и параметрами головки. Вероятно, к наиболее архаичным следует относить массивные наконечники длиной более 4 см и с утяжеленной головкой, которая составляет около 1/3 части бойка, поскольку параметры с течением времени менялись, при этом сам тип существовал долго и встречается в памятниках 2-го и 3-го этапов РСК, например, в погр. 8 кургана могильника Новоалександровка (Кореняко, Лукьяшко 1983: рис. 10: 10–14). Наличие серии массивных наконечников с шипами в колчане из кург. 5ж могильника Карамурун I, равно как и присутствие аналогичных по параметрам бесшипных наконечников в материалах кург. 20 могильника Сакар-чага 6 и кург. 39 могильника Уйгарак, показывает, что возникновение этого типа связано, скорее всего, с Центральным Казахстаном и Приаральем.

Группа 5 (рис. 1.5). Наличие в жаботинском колчане 3 наконечников с пером симметрично-ромбической формы и длинными втулками без шипов (**кат. 24–26**) является важным аргументом в пользу гипотезы о центрально-азиатском генезисе части жаботинского колчанного набора. Подобные наконечники с пером симметрично-ромбической или ассиметрично-ромбической формы серийно представлены в колчаных наборах курганов у с. Квитки, Ольшана, Белоградец наряду с новочеркасскими наконечниками, что указывает на предскифское время их распространения в Европе. В погр. 1 кург. 2 у с. Енджа они сочетаются с ромбовидными в сечении наконечниками, широко распространенными в памятниках Центральной Азии. Значительное количество присутствует в наборах из памятников Закубанья (кург. 2-4Ш Келермес; погр. 1 кург. 4 Холмский). Небольшие серии и единичные экземпляры встречаются

в Закавказье (Нонамме-Гора), Северо-Западном Прикаспии (Дербент), на Ставрополье (кург. 9 Красное Знамя), в Малой Азии (Богазкей) и материалах поселений (Пожарная Балка) (рис. 1.5: 1–13).

Наконечники подобных форм широко распространены в центральноазиатских памятниках: кург. 5 Чиликты, погр. 3 Большой Гумаровский курган, кург. 39 Уйгарак (рис. 1.5: 14–16), кург. 4 Айдынкуль I (Литвинский 1972: табл. 34), кург. 56 Тыткескень, Боровое-III (Кирюшин, Тишкин 1997: табл. 60: 8–10; 62), кург. 3, 12, 20, 23 Сакар-чага 6 (Яблонский 1996: рис. 12; 15; 17; 19), кург. 1 Тигир Тайджен-4 (Алексеев и др. 2005: рис. 3: 18) и др. У наконечников стрел из центральноазиатских памятников, как правило, лопасти охватывают большую часть втулки (4/5 длины), что и придает наконечнику ассиметрично-ромбическую форму (рис. 1.5: 14–16). Аналогичные экземпляры имеются в европейских (например, Квитки) и закавказских памятниках (Нонамме-Гора) (рис. 1.5: 3, 12). Насколько можно судить по фотографии, в погр. 1 кург. 2 у с. Енджа представлены именно такие наконечники (рис. 1.5: 8).

Экземпляры из жаботинского набора имеют более длинную втулку, и, соответственно, перо приобретает симметрично-ромбовидную форму. Вероятно, развитие типа шло по линии увеличения длины втулки и уменьшения размеров пера, что могло быть обусловлено влиянием новочеркасской традиции. Очевидно, именно эти наконечники без шипов могут быть уверенно соотнесены с предскифским хронологическим горизонтом, и именно они являются показателем проникновения центральноазиатских кочевников в Причерноморье, Закавказье и Малую Азию (например, см. Ковпаненко, Скорый 2003–2004: 280).

Группа 6 (рис. 1.6). У 3 экземпляров (**кат. 27–29**) максимальная ширина пера смещена к острию — перо имеет ассиметрично-ромбическую форму. В сравнении с другими наконечниками набора втулка укорочена: составляет около 1/4 от общей длины наконечника, шип прикреплен в верхней части втулки, у одного наконечника длинный изогнутый шип, у другого — маленький и у третьего шип обломан. Типологические аналогии им происходят из памятников Кавказа, Закавказья и Северо-Западного Прикаспия (Самтавро, Норашен, Астхиблур, Дербент, Сержень-Юрт) (рис. 1.6: 2–6). Интересно, что в келермесском наборе представлены сходные, но несколько более грацильные наконечники (рис. 1.6: 8). Кроме этого аналогичные наконечники массово представлены в колчанном наборе из погр. 2 кург. 1 у с. Енджа (рис. 1.6: 7).² В качестве сходного с жаботинскими, но более древнего обычно упоминают наконечник из погр. 1 кург. 2 у с. Енджа, известный по рисунку Р. Попова (Попов 1932: Obr. 90). Представление о его древности основано на сходстве с наконечниками черноголовского этапа, для которых характерно прикрепление маленького шипа в нижней части втулки или у ее обреза. Подобная традиция зафиксирована как на западе, так и на востоке кочевнического мира. Так, например, подобные наконечники

² Этому обстоятельству уделено неоправданно мало внимания (см. Ілліньська 1973; Полин 1987; и др.), в основном, потому, что типы наконечников стрел из енджинского колчана широко известны по работе А. И. Тереножкина (Тереножкин 1976: рис. 16: 2–7), в которой воспроизводится рисунок из работы Р. Попова (Попов 1932: Obr. 90), где изображены не все типы наконечников и к тому же без масштаба. Но в той же работе на фотографии (Там же: Obr. 89) представлены все типы, а благодаря приведенным в тексте размерам были уточнены их размеры (рис. 1.6: 7).

в Северном Причерноморье обнаружены в погр. 5 Высокой Могилы (Тереножкин 1976: рис. 7: 11), погр. 2 кург. 1 могильника Первомайский (Эрлих 2007: рис. 161: 12–15), кургане Малая Цимбалка, погр. 3 кург. 3 могильника Марьино (Махортых 2005: рис. 111: 7, 9; 114: 2) и др. В центрально-азиатских памятниках наконечники такого рода существовали во время перехода от эпохи бронзы к эпохе раннего железа и обнаружены на городище Чича (Молодин и др. 2004: рис. 322: 1), в плиточной огаде 2-го могильника Бегазы (рис. 1.6: 9), в мог. 4 кург. Аржан-1 (рис. 1.6: 10) и др. Судя по материалам погр. 3 Большого Гумаровского кургана (рис. 1.6: 11), традиция сохранялась до раннескифского времени. Вероятно, наконечники с небольшим шипом у основания втулки — маркеры начального этапа кочевнических передвижений. Тем не менее, необходимо отметить, что в енджинском колчане наконечник с маленьким шипом у основания втулки — один, в то время как 7 других наконечников по параметрам вполне сопоставимы с жаботинскими, отличаясь от них ассиметрично-ромбовидной формой пера и несколько более короткой втулкой. По-видимому, в этом наборе зафиксирован один из этапов поиска оптимальных размеров и формы наконечников стрел, происходивший в Причерноморье.

Костяной наконечник (рис. 1.7). В колчаный набор входит и один костяной наконечник (**кат. 31**). Костяные пулевидные наконечники обычны для раннескифских колчаных наборов, иногда встречаются в предскифских наборах (Малая Цимбалка, Зольный) и в материалах чернолесских поселений (Адамовское городище) (рис. 1.7: 2, 4). Наконечник из жаботинского колчана выделяется из этой серии своей массивностью. Массивные наконечники обнаружены на памятниках поздней срубной культуры (поселение у с. Сабатиновка, у г. Берислава — см. Тереножкин 1961: 96) (рис. 1.7: 3, 5), однако от них, равно как и от предскифских, жаботинский отличается специфической веретенообразной формой, когда диаметр втулки меньше максимального диаметра пера. Близкими аналогиями являются наконечники из кург. 2 Акжарского могильника в Западном Казахстане и кург. 5ж могильника Карамурун I в Центральном Казахстане (рис. 1.7: 6–7).

Подводя итог сказанному выше, можно констатировать, что некоторые «беспорные» утверждения относительно жаботинского колчанного набора получили дополнительное подтверждение, другие подверглись корректировке. Доказано, что понятие «жаботинский тип наконечников стрел» — слишком обобщенное, и оперировать им уже не представляется возможным, поскольку в колчанном наборе из Жаботина представлены наконечники 6 разновидностей, не считая костяного экземпляра. Существенное сходство с наконечниками из наборов в курганах у с. Енджа и Белоградец не позволяет предполагать наличие значительного хронологического отрыва этих памятников от кург. 524 у с. Жаботин. Связь с центральноазиатскими памятниками и с начальным периодом миграции кочевых групп в Причерноморье подтверждается наличием значительного числа аналогий в центральноазиатских памятниках.

Вероятно, в жаботинском, равно как в енджинском и белоградецком колчаных наборах, нашел отражение процесс приспособления распространенных на востоке стрел к менявшимся условиям ведения военных операций. Увеличение массы наконечника должно было обеспечить более медленный полет, поскольку тяжелая, медленно летящая стрела теряет меньше энергии на протяжении

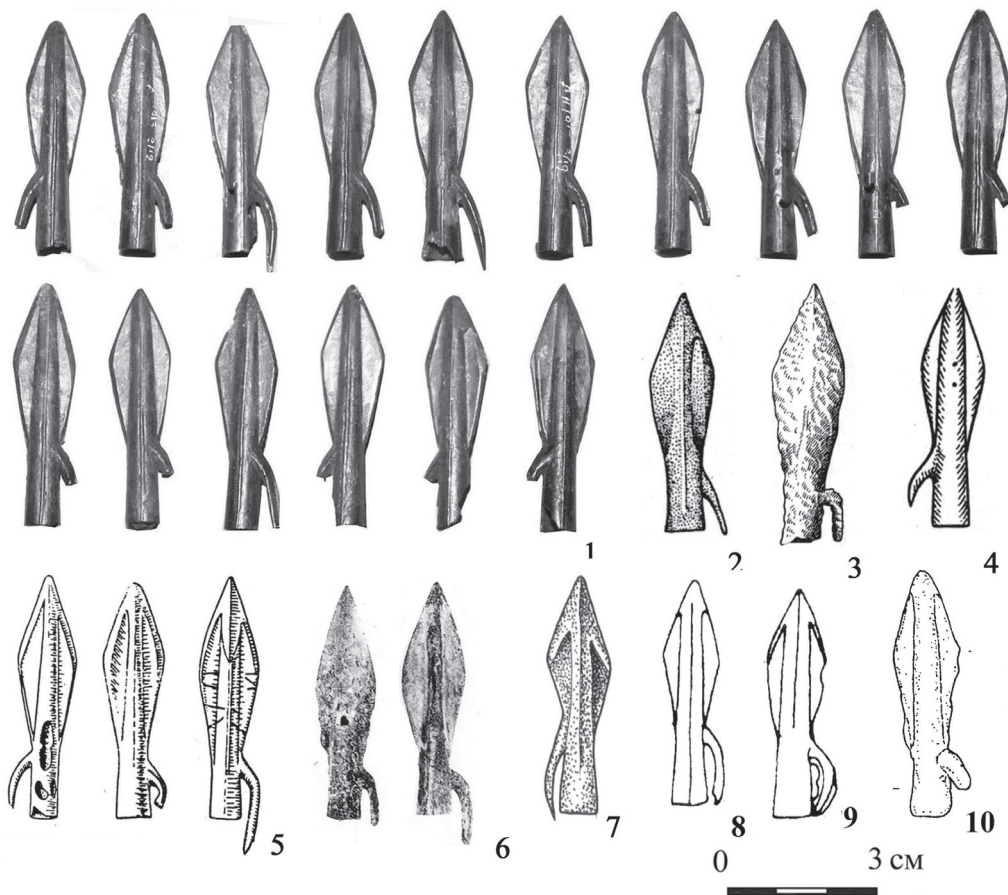

Рис. 1.1. Бронзовые наконечники стрел (группа 1). 1 — Жаботин, курган 524 (кат. 1–16); 2 — Имирлер; 3 — Бажиган; 4 — Дербент; 5 — Богазкей; 6 — Тарс; 7 — Самтавро, погребение 27; 8–9 — музей г. Токат, музей г. Испарта; 10 — Каман-Кале Хоюк (2, 7 — по Иванчик 2001: рис. 19: 11; 21: 22; 3 — по Крупнов 1957: рис. 7: 12; 4 — Кудрявцев 1982: рис. 7: 2; 5 — по Boehmer 1972: Kat. 905, 907, 928; 6 — по Goldman 1963: fig. 174: 15, 22; 8–9 — по Yalçikli 2006: Taf. 5: 21, 35; 10 — по Yukishhima 1998: fig. 4: 4).

Fig. 1.1. Bronze arrowheads (group 1). 1 — Zhabotin, barrow 524 (cat. 1–16); 2 — Imirler; 3 — Bazhigan; 4 — Derbent; 5 — Bogazkei; 6 — Tars; 7 — Samtavro, burial 27; 8–9 — Tokat Museum, Isparta Museum; 10 — Kaman-Kalehöyük (2, 7 — after Иванчик 2001: fig. 19: 11; 21: 22; 3 — after Крупнов 1957: fig. 7: 12; 4 — after Кудрявцев 1982: fig. 7: 2; 5 — after Boehmer 1972: Kat. 905, 907, 928; 6 — after Goldman 1963: fig. 174: 15, 22; 8–9 — after Yalçikli 2006: Taf. 5: 21, 35; 10 — after Yukishhima 1998: fig. 4: 4).

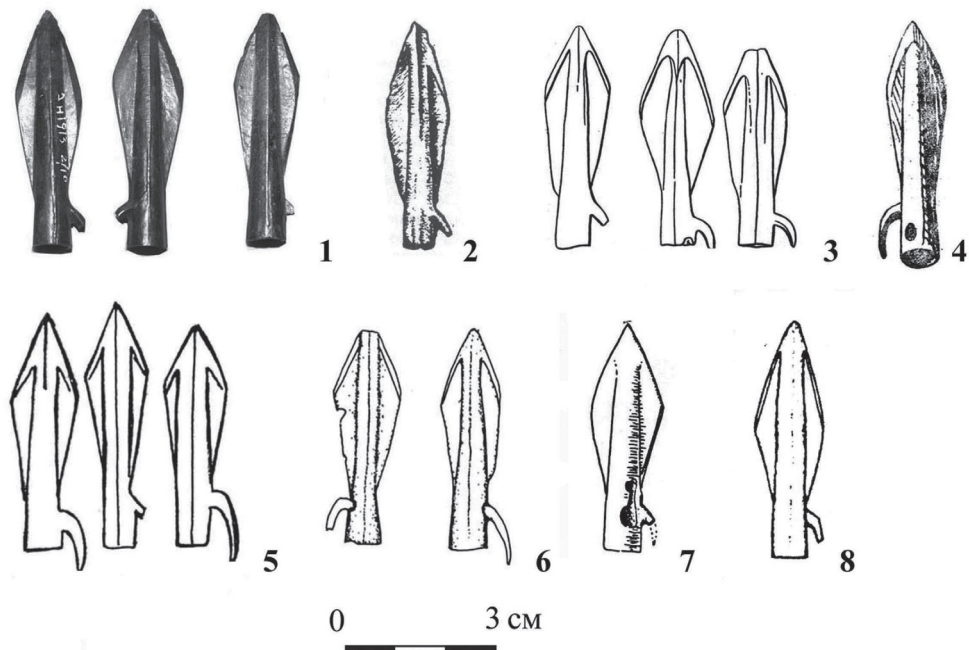

Рис. 1.2. Бронзовые наконечники стрел (группа 2). 1 — Жаботин, курган 524 (кат. 19–21); 2 — Астраханское Заволжье; 3 — Нижнее Поволжье, находки у г. Камышин; 4 — Изюмский уезд; 5 — Красное Знамя, курган 9; 6 — Нонамме-Гора; 7 — Богазкей; 8 — Каман-Кале Хоюк (2 — по Вальчак, Дворниченко: рис. 2: 4; 3 — по Смирнов 1961: рис. 11: А-2, Б-2-3; 4 — по Сибилев 1926: табл. XXVII: 13; 5 — по Петренко 2006: табл. 55, кат. 265; 6 — по Furtwängler et al. 1999: Abb. 27: 12–13; 7 — по Boehmer 1972: Kat. 910; 8 — по Mikami, Omura 1992: fig. 11: 13).

Fig. 1.2. Bronze arrowheads (group 2). 1 — Zhabotin, barrow 524 (cat. 19–21); 2 — Astrakhan trans-Volga region; 3 — Lower Volga, finds near Kamyshin; 4 — Izyum district; 5 — Krasnoe Znamya, barrow 9; 6 — Nonamme-Gora; 7 — Bogazkei; 8 — Kaman-Kalehöyük (2 — after Вальчак, Дворниченко: fig. 2: 4; 3 — after Смирнов 1961: fig. 11: А-2, Б-2-3; 4 — after Сибилев 1926: table XXVII: 13; 5 — after Петренко 2006: table 55, cat. 265; 6 — after Furtwängler et al. 1999: Abb. 27: 12–13; 7 — after Boehmer 1972: Kat. 910; 8 — after Mikami, Omura 1992: fig. 11: 13).

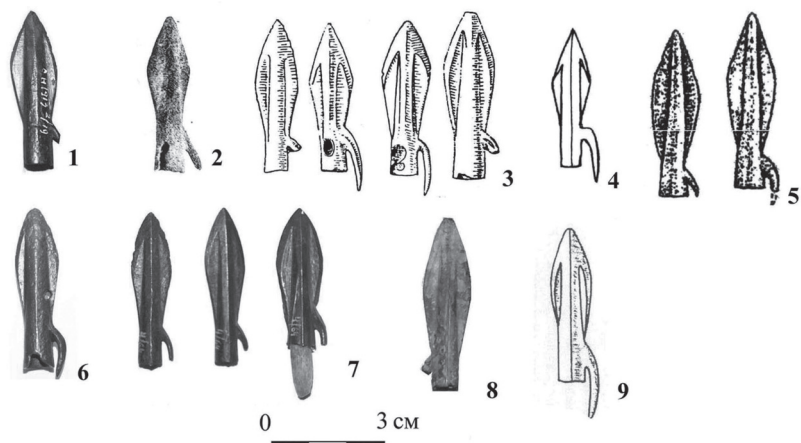

Рис. 1.3. Бронзовые наконечники стрел (группа 3). 1 — Жаботин, курган 524 (кат. 22); 2 — Тарс; 3 — Богазкей; 4 — Красное Знамя, курган 9; 5 — Клады, курган 41; 6 — Журовка, курган 406 (ГЭ, Дн 1903-4-64); 7 — Келермес, курганы 2-4, раскопки Д. Г. Шульца (ГЭ, Ку 1903-04-1/2) (2 — по Goldman 1963: fig. 174: 21; 3 — по Boehmer 1972: Kat. 916, 921, 925, 927; 4 — по Петренко 2006: табл. 55, кат. 262; 5 — по Кочевники Евразии... 2012: кат. 106).

Fig. 1.3. Bronze arrowheads (group 3). 1 — Zhabotin, barrow 524 (cat. 22); 2 — Tars; 3 — Bogazkei; 4 — Krasnoe Znamya, barrow 9; 5 — Klady, barrow 41; 6 — Zhurovka, barrow 406 (State Hermitage, Дн 1903-4-64); 7 — Kelermes, barrows 2-4, D. G. Schulz's excavations (State Hermitage, Ку 1903-04-1/2) (2 — after Goldman 1963: fig. 174: 21; 3 — after Boehmer 1972: Kat. 916, 921, 925, 927; 4 — after Петренко 2006: table 55, cat. 262; after — по Кочевники Евразии... 2012: cat. 106).

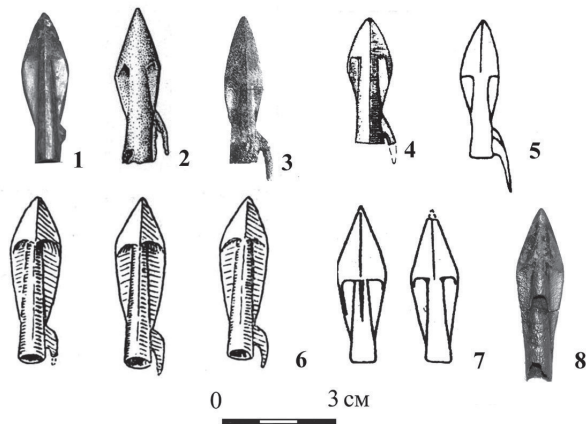

Рис. 1.4. Бронзовые наконечники стрел (группа 4). 1 — Жаботин, курган 524 (кат. 23); 2 — Имирлер; 3 — Тарс; 4 — Пожарная Балка, поселение; 5 — Амасья; 6 — Карамурун I, курган 5ж; 7 — Сакарчага 6, курган 20; 8 — Уйгарак, курган 39 (2 — по Иванчик 2001: рис. 19: 7; 3 — по Goldman 1963: fig. 174: 17; 4 — по Андриенко 2004: рис. 1: 4; 5 — по Yalçikli 2006: Taf. 4: 34; 6 — по Маргулан и др. 1966: рис. 58; 7 — по Яблонский 1996: рис. 17: 54-55; 8 — по Вишневская 1973: табл. XIII: 7).

Fig. 1.4. Bronze arrowheads (group 4). 1 — Zhabotin, barrow 524 (cat. 23); 2 — Imirler; 3 — Tars; 4 — Pozharnaya Balka settlement; 5 — Amasya; 6 — Karamurun I, barrow 5ж; 7 — Sakar-chaga, barrow 20; 8 — Uigarak, barrow 39 (2 — after Иванчик 2001: fig. 19: 7; 3 — after Goldman 1963: fig. 174: 17; 4 — after Андриенко 2004: fig. 1: 4; 5 — after Yalçikli 2006: Taf. 4: 34; 6 — after Маргулан и др. 1966: fig. 58; 7 — after Яблонский 1996: fig. 17: 54-55; 8 — after Вишневская 1973: table XIII: 7).

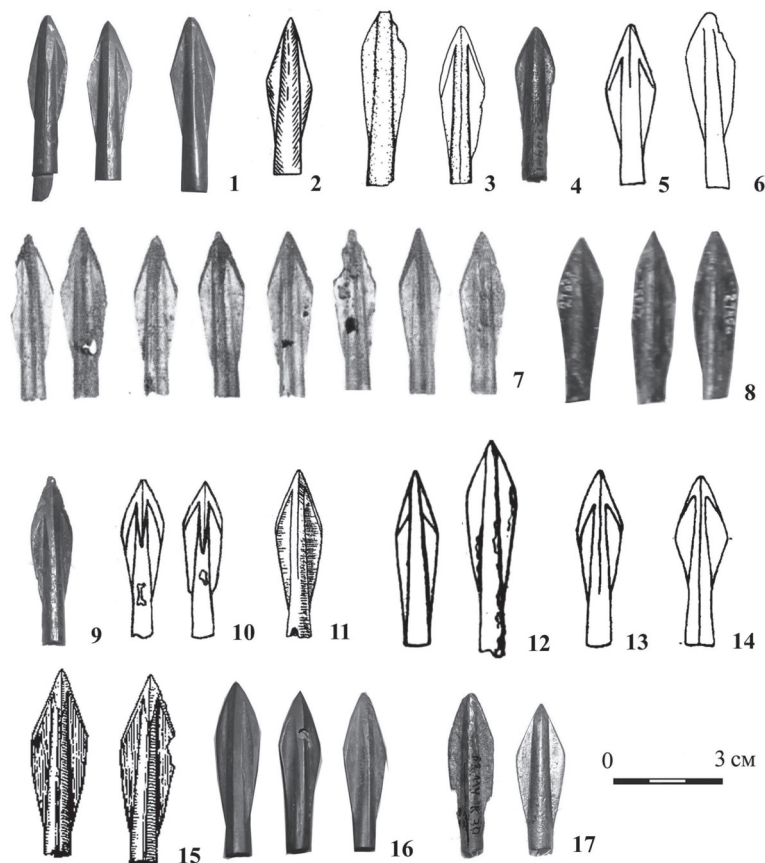

Рис. 1.5. Бронзовые наконечники стрел (группа 5). 1 — Жаботин, курган 524 (кат. 24–26); 2 — Дербент; 3 — Нонамме-Гора; 4 — Клады, курган 41; 5 — Красное Знамя, курган 9; 6 — Холмский, курган 4 погребение 1; 7 — Белоградец, курган; 8 — Енджа, курган 2 погребение 1; 9 — Келермес, курганы 2–4, раскопки Д. Г. Шульца (ГЭ, Ку 1903-04-1/32); 10 — Ольшана, курган; 11 — Пожарная Балка, поселение; 12 — Квитки, курган; 13 — Богазкей; 14 — музей Афон; 15 — Чиликты, курган 5; 16 — Большой Гумаровский курган, погребение 3; 17 — Уйгарак, курган 39 (2 — по Кудрявцев 1982: рис. 7: 3а; 3 — по Furtwängler et al. 1999: Abb. 27: 3, 9; 4 — по Кочевники Евразии... 2012: кат. 106; 5 — по Петренко 2006: табл. 55, кат. 264; 6 — по Василенко и др. 1993: рис. V: 16; 7 — по Die Traker 2004: Kat. 193с; 8 — по Попов 1932: Obr. 89; 10 — по Ковпаненко, Скорый 2005: рис. 11: 14–15; 11 — по Андриенко 2004: рис. 1: 2; 12 — по Ковпаненко, Гупало 1984: рис. 9: 42–43; 13 — по Boehmer 1972: Kat. 891; 14 — по Yalçikli 2006: Taf. 5: 11; 15 — по Черников 1965: табл. X; 16 — по Кочевники Евразии... 2012: кат. 186; 17 — по Вишневская 1973: табл. XIII: 5–6).

Fig. 1.5. Bronze arrowheads (group 5). 1 — Zhabotin, barrow 524 (cat. 24–26); 2 — Derbent; 3 — Nanamme-Gora; 4 — Klady, barrow 41; 5 — Krasnoe Znamya, barrow 9; 6 — Kholmshkiy, barrow 4, burial 1; 7 — Belogradetz barrow; 8 — Endge, barrow 2, burial 1; 9 — Kelermes, barrows 2–4, D. G. Schulz's excavations (State Hermitage, Ky 1903-04-1/32); 10 — Ol'shana barrow; 11 — Pozharnaya Balka settlement; 12 — Kvitki barrow; 13 — Bogazkei; 14 — Afon Museum; 15 — Chilikty, barrow 5; 16 — Bolshoi Gumarovskiy barrow, burial 3; 17 — Uigarak, barrow 39 (2 — after Кудрявцев 1982: fig. 7: 3a; 3 — after Furtwängler et al. 1999: Abb. 27: 3, 9; 4 — after Кочевники Евразии... 2012: cat. 106; 5 — after Петренко 2006: table 55, cat. 264; 6 — after Василенко и др. 1993: fig. V: 16; 7 — after Die Traker 2004: Kat. 193с; 8 — after Попов 1932: Obr. 89; 10 — after Ковпаненко, Скорый 2005: fig. 11: 14–15; 11 — after Андриенко 2004: fig. 1: 2; 12 — after Ковпаненко, Гупало 1984: fig. 9: 42–43; 13 — after Boehmer 1972: Kat. 891; 14 — after Yalçikli 2006: Taf. 5: 11; 15 — after Черников 1965: table X; 16 — after Кочевники Евразии... 2012: cat. 186; 17 — after Вишневская 1973: table XIII: 5–6).

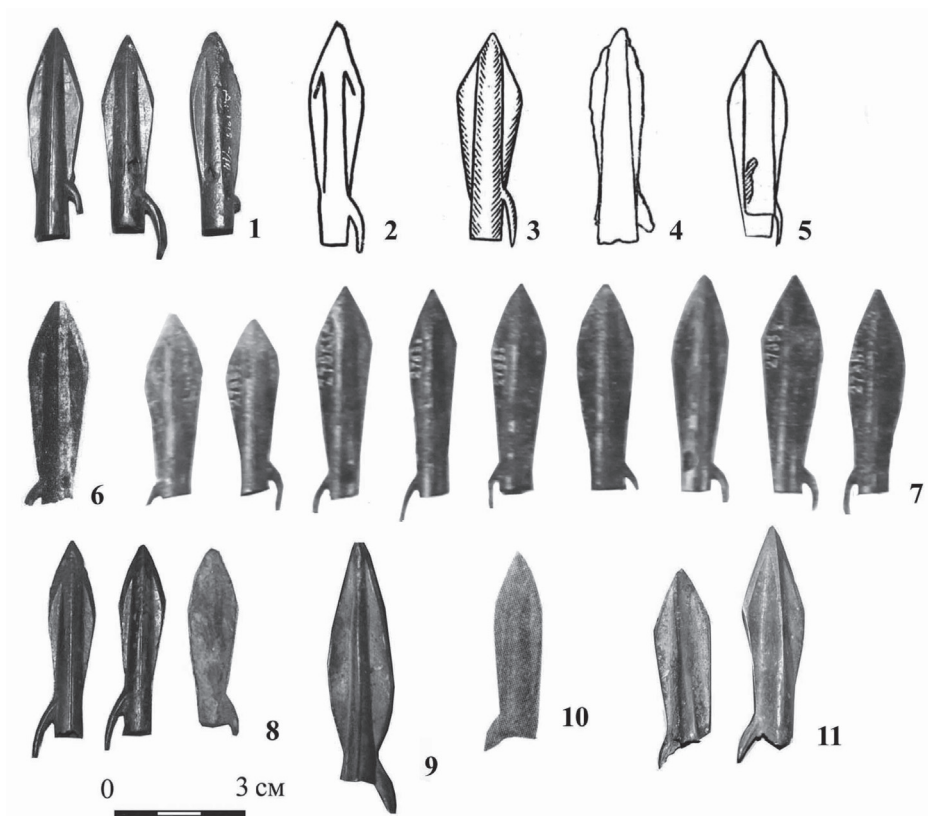

Рис. 1.6. Бронзовые наконечники стрел (группа 6). 1 — Жаботин, курган 524 (кат. 27–29); 2 — Самтавро; 3 — Дербент; 4–5 — Норашен, Астхиблур; 6 — Сержень-Юрт, поселение; 7 — Енджа, курган 2 погребение 1; 8 — Келермес, курганы 2–4, раскопки Д. Г. Шульца (ГЭ, Ку 1903-04-1/19); 9 — Бегазы, плиточная ограда 2; 10 — Аржан-1, могила 4; 11 — Большой Гумаровский курган, погребение 3 (2 — по Есяян, Погребова 1985: табл. VIII; 3 — по Кудрявцев 1982: рис. 7; 3; 4–5 — по Есяян, Погребова 1985: табл. VI; 10, 16; 6 — по Козенкова, Крупнов 1966: рис. 36; 1; 7 — по Попов 1932: Obr. 89; 9 — по Кызласов, Маргулан 1950: рис. 42: 2; 10 — по Грязнов 1980: рис. 11; 12; 11 — по Кочевники Евразии... 2012: кат. 186).

Fig. 1.6. Bronze arrowheads (group 6). 1 — Zhabotin, barrow 524 (cat. 27–29); 2 — Samtavro; 3 — Dербent; 4–5 — Norashen, Astkhiblur; 6 — Serzhen'-Yurt settlement; 7 — Endje, barrow 2, burial 1; 8 — Kelermes, barrows 2–4, D. G. Schulz's excavations (State Hermitage, Ky 1903-04-1/19); 9 — Begazy, enclosure 2; 10 — Arzhan-1, grave 4; 11 — Bolshoi Gumarovskiy barrow, burial 3 (2 — after Есяян, Погребова 1985: table VIII; 3 — after Кудрявцев 1982: fig. 7; 3; 4–5 — after Есяян, Погребова 1985: table VI; 10, 16; 6 — after Козенкова, Крупнов 1966: fig. 36; 1; 7 — after Попов 1932: Obr. 89; 9 — after Кызласов, Маргулан 1950: fig. 42: 2; 10 — after Грязнов 1980: fig. 11; 12; 11 — after Кочевники Евразии... 2012: cat. 186).

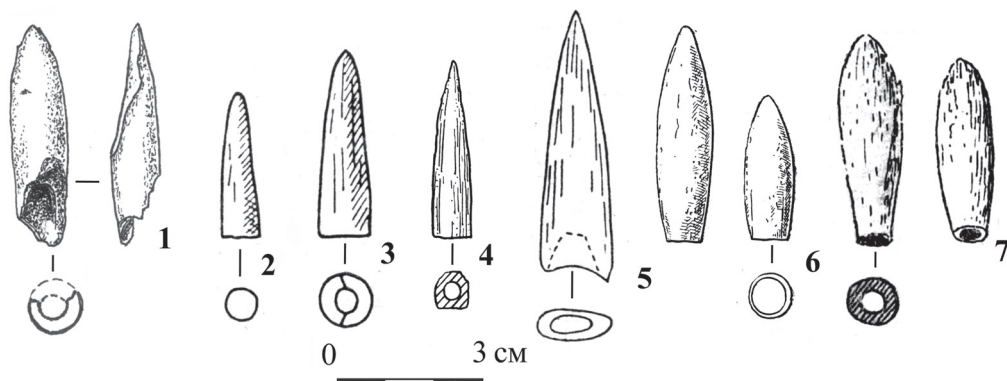

Рис. 1.7. Костяные наконечники стрел. 1 — Жаботин, курган 524 (кат. 31); 2 — курган Малая Цимбалка; 3 — Сабатиновка; 4 — Адамовское городище; 5 — поселение у г. Берислав; 6 — Акжарский могильник у г. Актюбинск; 7 — Карамурун I, курган 5ж (2–3, 5 — по Тереножкин 1961: рис. 71: 18, 20–21; 4 — по Тереножкин 1976: рис. 36: 5; 6 — по Смирнов 1961: рис. 12, Л (1–2); 7 — по Маргулан и др. 1966: рис. 34: 6–7).

Fig. 1.7. Bone arrowheads. 1 — Zhabotin, barrow 524 (cat. 31); 2 — Malaya Tsymbalka barrow; 3 — Sabatinovka; 4 — fortified settlement of Adamovskoe; 5 — settlement near the town of Berislav; 6 — Akzhar cemetery near Aktyubinsk; 7 — Karamurun I, barrow 5ж (2–3, 5 — after Тереножкин 1961: fig. 71: 18, 20–21; 4 — after Тереножкин 1976: fig. 36: 5; 6 — after Смирнов 1961: fig. 12, Л (1–2); 7 — after Маргулан и др. 1966: fig. 34: 6–7).

определенного расстояния, чем стрела меньшего веса с большей скоростью при одинаковом значении начальной кинетической энергии. Для прицельной стрельбы необходимы легкие и быстро летящие стрелы, но для стрельбы по большим группам людей эффективны тяжелые стрелы, выпускаемые «тучей» под большим углом к горизонту. Скорость полета замедлялась и из-за шипов. Использование массивных наконечников является показателем значительно увеличившейся роли конницы в военных действиях, так как стрельба с движущегося коня добавляет стреле существенный процент начальной скорости и, значит, увеличивает импульс удара, а также пробивную способность. О том, что стрельба велась по противникам без доспехов, и ее целью было максимальное поражение, свидетельствует значительное поперечное сечение наконечников и наличие шипов — они наносили тяжелые раны и плохо извлекались. Для пробивания доспехов более эффективны небольшие трехгранные или трехлопастные наконечники (Коробейников, Митюков 2007: 114–115; Луки и стрелы: <http://engineerd.narod.ru/Index.htm>). Очевидно, именно на этом этапе и произошло проникновение кочевых группировок в Закавказье и Малую Азию, археологическим свидетельством чего являются находки подобных наконечников на этих территориях.

Таким образом, необходимо признать, что находки, относящиеся к этапу РСК-1, в Малой Азии имеются, и в таком качестве их атрибуция как киммерийских представляется правомерной (Иванчик 2001: 56–57). Вопрос о расположении старших курганов Келермеса и кург. 524 у с. Жаботин на шкале

относительной хронологии требует отдельного исследования, поскольку он не может быть решен лишь на основании одной, даже столь показательной, как наконечники стрел, категории вещей.

Меч (кат. 36). Поскольку сохранился лишь небольшой обломок клинковой части меча, невозможно ничего сказать о его размерах и форме. Так как на нем с обеих сторон сохранились отпечатки дерева (вероятно, от ножен), можно с определенной долей уверенности считать, что это все же обломок меча, а не копья, как считала Л. К. Галанина. Неизвестно так же, был ли это цельно железный или биметаллический меч. Железные мечи широко представлены в памятниках Северного и Западного Причерноморья (погр. 2 Высокая Могила (Тереножкин 1976: рис. 5: 2), кургане у с. Белоградца (Там же: рис. 9: 1), погр. 1 кург. 2 у с. Енджа (Попов 1932: Obr. 87), кургане у с. Зольное (Тереножкин 1976: рис. 17: 24), погр. 1 кург. 6 Яснозорье (Ковпаненко и др. 1994: рис. 6: 1) и др.), Предкавказья (погребение у Лермонтовского разъезда (Иванчик 2001: рис. 20: 1), кург. 1Ш Келермес (Галанина 1997: кат. 1: 4)), Центрального Кавказа (погр. 68 Тли — Техов 1980: рис. 2: 2), Закавказья (погр. 27 Самтавро — Иванчик 2001, рис. 21: 13), Малой Азии (погребение у Имирлера — Там же: рис. 19: 1), Приаралья (кург. 21 и 26 Уйгарака (Вишневская 1973: табл. VI: 1; VIII: 6), кург. 53 Южного Тагискена (Толстов, Итина 1996: рис. 14: 1)).

Ножи (кат. 37–38). Ножу со слегка изогнутой спинкой, прямым лезвием и плоским черешком, выделенным со стороны лезвия (**кат. 37**), типологически наиболее близки экземпляры из кург. 15 могильника Стеблев и погр. 1 кург. 6 могильника Яснозорье (рис. II: 9: 10). Ножи из зольника 5 Западного Бельского городища и Жаботинского поселения сходны по параметрам, но отличаются меньшими размерами (рис. II: 11–13). Тем не менее, все они могут быть отнесены к одному из ранних типов ножей, появившихся в лесостепном Левобережье, по данным И. Б. Шрамко, в начале VII в. до н. э. Считается, что они являются инновацией, связанной с влиянием раннегалльштаттской (карпато-дунайской) культуры Козия-Сахарна (Дараган 2011: 445; Шрамко, Буйнов 2012: 319–320).

Маленький нож (**кат. 38**) с горбатой спинкой и плоским черешком, выделенным со стороны лезвия, прямых аналогий в приднепровских памятниках не имеет. Аналогичные ему по параметрам ножи из железа и бронзы были распространены в Предкавказье с предскифского времени (погр. 13 Клино-Яр III, погр. 4 Индустрия 1) (рис. II: 2–4) и др. Эти ножи широко представлены в материалах восточного и западного вариантов кобанской культуры. Значительное число типологически близких находок из памятников западного варианта (80 экземпляров) отнесены В. И. Козенковой ко II типу, по ее классификации. По мнению исследовательницы, наиболее ранний экземпляр этого типа происходит из погр. 4 могильника Индустрия 1 (Козенкова 1998: 7–8, табл. I: 3–11). По мнению С. Л. Дударева, такие ножи (тип II, по его классификации) имеют кавказские корни и ведут свое происхождение от аналогичных бронзовых образцов Сержень-Юртовского могильника (Дударев 1999: 119). Ножи с выгнутой спинкой и выделенным черешком продолжали бытовать в раннескифское время в памятниках Ставрополя (кург. 1 Красное Знамя, кург. 7 Новозаведенное II). Таким образом, можно уверенно связать этот нож (**кат. 38**) с кавказским регионом.

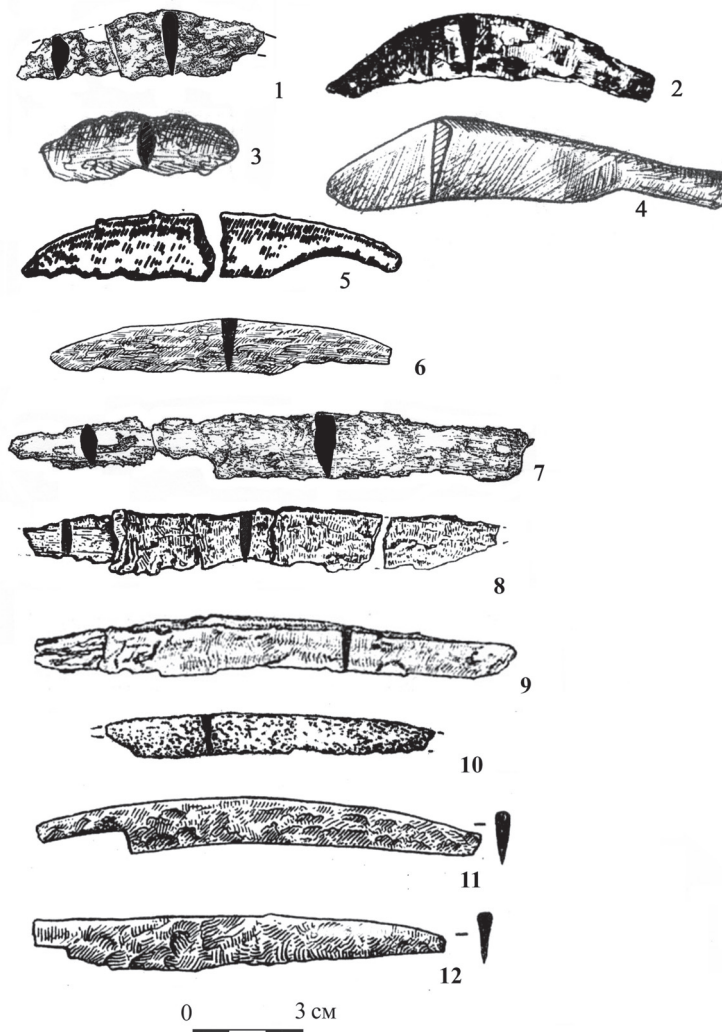

Рис. II. Железные ножи. 1, 7 — Жаботин, курган 524 (кат. 38–37); 2 — Индустрия 1, погребение 4; 3–4 — Клин-Яр III, погребение 13, из разрушенного погребения; 5 — Новозаведенное-II, курган 7; 6 — Красное Знамя, курган 1; 8 — Стеблев, курган 15; 9 — Яснозорье, курган 6 погребение 1; 10 — Западное Бельское городище, зольник 5; 11–12 — Жаботинское поселение (2 — по Виноградов 1972: рис. 18: 2; 3–4 — по Дударев 1999: рис. 118: 11, 16; 5 — по Петренко и др. 2004: рис. 10: 11; 6 — по Петренко 2006: табл. 56, кат. 81; 8 — по Клочко, Скорый 1993: рис. 4: 2; 9 — по Ковпаненко и др. 1994: рис. 6: 11; 10 — по Шрамко, Буйнов 2012: рис. 2: 1; 11–12 — по Покровская 1973: рис. 4: 33–34).

Fig. II. Iron knives. 1, 7 — Zhabotin, barrow 524 (cat. 38–37); 2 — Industriya 1, burial 4; 3–4 — Klin-Yar III, burial 13, from a destroyed burial; 5 — Novozavedennoe-II, barrow 7; 6 — Krasnoe Znamya, barrow 1; 8 — Steblev, barrow 15; 9 — Yasnozorie, barrow 6, burial 1; 10 — Zapadnoe belskoe fortified settlement, ash dump 5; 11–12 — Zhabotinskoe settlement (2 — after Виноградов 1972: fig. 18: 2; 3–4 — after Дударев 1999: fig. 118: 11, 16; 5 — after Петренко и др. 2004: fig. 10: 11; 6 — after Петренко 2006: table 56, cat. 81; 8 — after Клочко, Скорый 1993: fig. 4: 2; 9 — after Ковпаненко и др. 1994: fig. 6: 11; 10 — after Шрамко, Буйнов 2012: fig. 2: 1; 11–12 — after Покровская 1973: fig. 4: 33–34).

Каменная булава (кат. 35). Диабазовое навершие булавы неправильной сферической (сжатой с полюсов) формы относится к числу довольно редких для Скифии предметов (Ильинская 1975: 107). Каменные и бронзовые булавы различных форм, используемые как оружие ближнего боя, повсеместно применялись на Древнем Востоке (Горелик 1993: 57). Булавы широко представлены среди предметов вооружения в памятниках Северного Причерноморья, Кавказа и Закавказья начиная с эпохи бронзы (Есаян 1966: 50–58; Козенкова 1982: 25; Эрлих 2007: 105–106). К рубежу VIII–VII вв. тактика ведения боя, вероятно, претерпела изменения, и популярность этого вида вооружения снижается. Это хорошо видно, например, по ассирийским рельефам: если во времена Ашшур-нацир-апала II (883–859) с булавами, имеющими шарообразное навершие, изображен сам царь в сценах предстояния божеству (Barnet 1975: pl. 2: 13) и царские воины (Ibid.: pl. 38), во времена Салманасара II (858–824) изображения воинов с булавами присутствуют на «Балаватских воротах» (Ibid.: pl. 41) и Синаххериба (704–681) (булава — атрибут царских телохранителей и военачальников (Ibid.: pl. 65; 74; 77)), то ко времени Ашшурбанапала (668–635/27) среди многочисленных батальных сцен только дважды встречаются изображения воинов с булавами — в одном случае булава с ребристым шарообразным навершием используется по прямому назначению (Ibid.: pl. 144), а во втором ею вооружен царский телохранитель (Ibid.: pl. 168).

Поиск аналогий жаботинской булаве в материалах памятников предскифского и раннескифского времени показал, что в это время каменные навершия встречаются в основном в материалах памятников кобанской культуры, меньшее их количество известно в степных протомеотских памятниках, изредка они встречаются в Приднепровье. По мнению В. Р. Эрлиха, в протомеотских памятниках булава, подобно скипетру, является знаком воинского достоинства и высокого социального статуса (Эрлих 2007: 105). О том, что в других регионах в предскифское время булавы продолжали использоваться и по прямому назначению, свидетельствует находка 18 штук наверший булав в слое Сержень-Юртовского поселения, относящегося к первому этапу восточного варианта кобанской культуры (X–VII вв. до н. э.) (Козенкова 1982: 25, табл. XVIII: 2–3). Подобные жаботинской навершия булав с уплощенными полюсами, выделенные В. А. Козенковой в тип I, обнаружены в погр. 9 и 49 Зандакского могильника, в Бети-Мохском 3-м могильнике (рис. III: 9–11). Об использовании булав в западной части кобанского ареала и контактных со степью зон свидетельствуют находки в памятниках Ставрополя (рис. III: 3, 15, 18–19, 23). Булавы, очевидно, являлись довольно распространенным предметом вооружения и в протомеотской среде, о чем свидетельствуют находки в Закубанье. К сожалению, большинство из них происходит из разрушенных погребений протомеотского периода на левом берегу Краснодарского водохранилища, могильника Казазово 1 и разрушенного погр. 25 Николаевского могильника (рис. III: 2, 5–7, 17). Интересно, что навершия булав представлены и в материалах кобяковской культуры (рис. III: 8), происхождение которой связывают с территорией Северного Кавказа (Шарафутдинова 1980: 69).

В памятниках Закавказья, где булавы зафиксированы с последней четверти II тыс. до н. э. (Лчашен), продолжается их использование и в раннеурартское время: в гробнице 2-го могильника Мкарашен обнаружено бронзовое

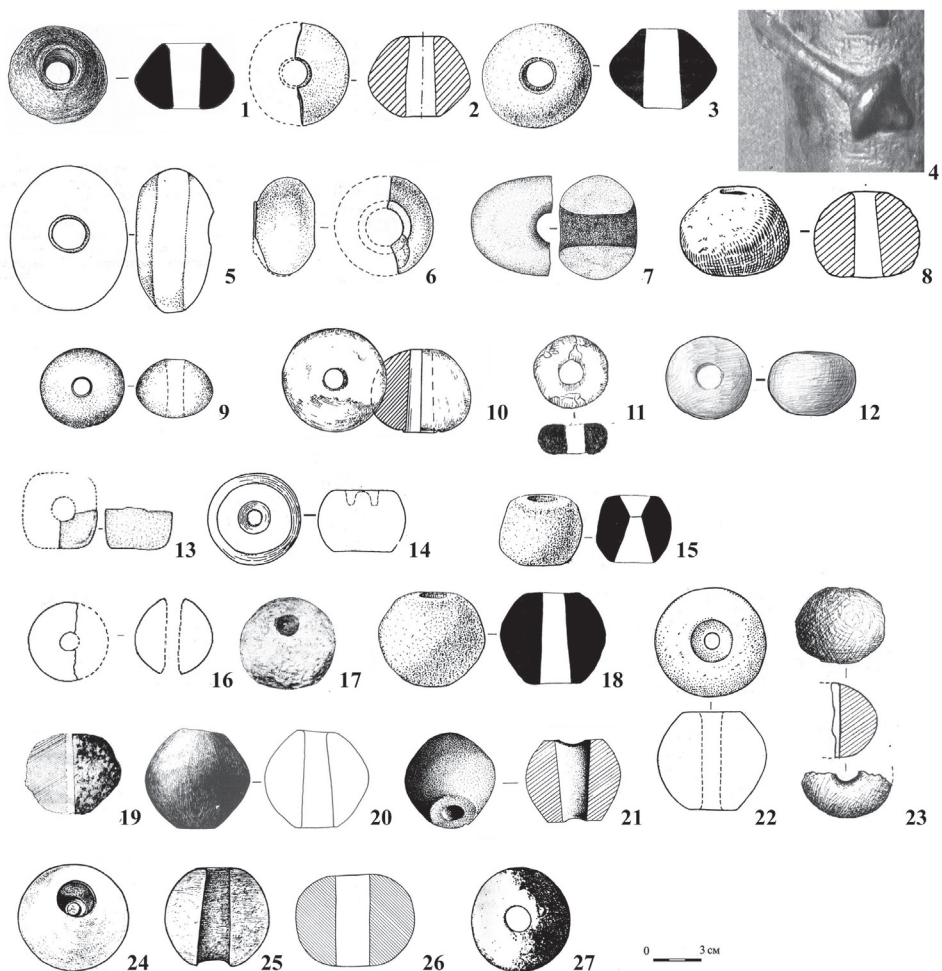

Рис. III. Каменные наконечники булав. 1 — Жаботин, курган 524 (кат. 35); 2, 6 — Краснодарское водохранилище, сборы; 3 — бассейн р. Уруп, погребение у хут. Ильич; 4 — скульптура Тейшебы (фрагмент), Кармир-блур, помещение 5; 5 — могильник Казазово-3; 7 — могильник Казазово-1, сборы; 8 — поселение Кобяково, раскоп III; 9–10 — Зандак, погребения 9 и 49; 11, 19 — Бети-Мохский 3-й могильник, Гунделенский могильник; 12 — Кармир-блур, помещение 36; 13 — поселение Вишенки 2; 14 — Западное Бельское городище, зольник 19; 15, 18 — Белореченский 2-й могильник, погребение 14; погребение 1 на пр. Калинина в г. Пятигорск; 16 — Жаботинское поселение; 17 — Николаевский могильник, погребение 25; 20–21 — Сержень-Юрт, погребения 16 и 53; 22 — Новомордовский могильник; 23 — Клинь-Яр III, разрушенное погребение; 24–25 — Сержень-Юрт, поселение, раскоп 1960 г.; 26 — Луговое; 27 — Фюзешабонь (2, 6 — по Вальчак и др. 2005: рис. 10: 1–2; 3 — по Козенкова 1995: табл. XXI: 1; 4 — по Пиотровский 1950: рис. 41; 5 — по Пьянков, Тарабанов 1997: рис. 5: 1; 7 — по Анфимов 1989: рис. 3: 16; 8 — по Шарафутдинова 1980: табл. XXXV: 11; 9–10 — по Марковин 2002: рис. 21: 2; 64: 2; 11, 19 — по Виноградов 1972: рис. 30: 4; 61: 6; 12 — по Пиотровский 1952–1954: 54; 13, 16 — по Дараган 2011: рис. IV.48: 4–5; 14 — по Шрамко 1971: рис. 2: 16; 15, 18 — по Козенкова 1995: табл. XXI: 2, 4; 17 — по Анфимов 1961: рис. 5: 20–21 — по Козенкова 2002: табл. 11: 4; 43: 1; 22 — по Халиков 1977: рис. 70: 1; 23 — по Дударев 1999: рис. 118: 5; 24–25 — по Козенкова 1982: табл. XVIII: 2, 4; 26 — по Тереножкин 1976: рис. 20: 11; 27 — по Chochorowski 1993: Abb. 16: 4).

навершие булавы (Мартиросян 1964: 204, рис. 79а: 11), сходные по форме навершия из камня и бронзы обнаружены и на Кармир-блуре (рис. III: 12). Скульптура, изображающая бога Тейшебу с булавой (кстати, похожей по форме на жаботинскую), обнаружена в помещении 5 Кармир-блур (Пиотровский 1950: 51) (рис. III: 4). Очевидно, булава в руках божества воспринималась не только как оружие, но и как символ власти. В Приднепровье находки каменных наверший булав зафиксированы, кроме кург. 524 у с. Жаботин, только в материалах поселений Вишенки-2, Западного Бельска и Жаботинского (рис. III: 13–14, 16). Единичными находками булавы представлены в памятниках Керченского полуострова, Волго-Камья и Западной Европы (рис. III: 21, 26–27). Таким образом, учитывая распространенность этого вида вооружения в памятниках Кавказа в предскифское время, весьма вероятно предположить кавказское происхождение и для жаботинского экземпляра.

Защитный доспех (кат. 41–42). В публикации А. А. Бобринского упомянуты бронзовые чешуйки от панциря с просверленными отверстиями, «большинство которых рассыпалось, удалось собрать в целостности около 300 штук» (Бобринской 1916: 2). В инвентарной описи ГЭ ДН 1913 2/20 числятся 600 чешуек бронзовых и обломков чешуек от панциря, 140 из которых более или менее хорошо сохранились, остальные сильно фрагментированы. Панцирные пластины занимают площадь примерно 500 кв. см, т. е. доспех мог закрывать только часть груди, при условии, что все они были собраны. Среди них обнаружены фрагменты с отпечатками дерева, кожи, кусочки кожи, повторяющие рельеф чешуек.

О том, что панцирь имел кожаную основу, свидетельствует и фрагмент прошитого кожаного изделия, вероятно, сохранившаяся часть поддоспешного одеяния (кат. 34). Швы выполнены сухожильной нитью, свитой левой круткой из двух сухожильных нитей, каждая из которых свита правой круткой: такая нить способна выдерживать значительную механическую нагрузку. Благодаря тому, что сохранилось довольно представительное количество чешуек, было установлено, что доспех был набран из чешуй 7 размеров (табл. IV, кат. 41 (1–7); рис. IV.1). Аналогичная ситуация отмечена для чешуйчатых доспехов из Журовки и объясняется тем, что необходимо было обеспечить максимальную подвижность частей доспеха в некоторых местах (Черненко 1968: 27–28).

Fig. III. Stone mace heads. 1 — Zhabotin, barrow 524 (cat. 35); 2, 6 — Krasnodar water reserve, surface finds; 3 — Urup river basin, burial near the Il'ich farmstead; 4 — sculpture of Teisheba (fragment) from Karmir-blur, room 5; 5 — Kazazovo-3 cemetery; 7 — Kazazovo-1 cemetery, surface finds; 8 — Kobyakovo settlement, trench III; 9–10 — Zandak, burials 9 and 49; 11, 19 — Beti-Mokhskiy 3rd cemetery, Gundelenskiy cemetery; 12 — Karmir-blur, room 36; 13 — Vishenki 2 cemetery 2; 14 — Zapadnoe belskoe fortified settlement, ash dump 19; 15, 18 — Belorechenskiy 2nd cemetery, burial 14; burial 1 on Kalinin avenue at Pyatigorsk; 16 — Zhabotinskoe settlement; 17 — Nikolaevskiy cemetery, burial 25; 20–21 — Serzhen'-Yurt, burials 16 and 53; 22 — Novomordovskiy cemetery; 23 — Klin-Yar III, destroyed burial; 24–25 — Serzhen'-Yurt settlement, trench of 1960; 26 — Lugovoe; 27 — Fuzesabony (2, 6 — after Вальчак и др. 2005: fig. 10: 1–2; 3 — after Козенкова 1995: table XXI: 1; 4 — after Пиотровский 1950: fig. 41; 5 — after Пьянков, Тарабанов 1997: fig. 5: 1; 7 — after Анфимов 1989: fig. 3: 16; 8 — after Шарафутдинова 1980: table XXXV: 11; 9–10 — after Марковин 2002: fig. 21: 2; 64: 2; 11, 19 — after Виноградов 1972: fig. 30: 4; 61: 6; 12 — after Пиотровский 1952–1954: 54; 13, 16 — after Дараган 2011: fig. IV.48: 4–5; 14 — after Шрамко 1971: fig. 2: 16; 15, 18 — after Козенкова 1995: table XXI: 2, 4; 17 — after Анфимов 1961: fig. 5: 20–21 — after Козенкова 2002: table 11: 4; 43: 1; 22 — after Халиков 1977: fig. 70: 1; 23 — after Дударев 1999: fig. 118: 5; 24–25 — after Козенкова 1982: table XVIII: 2, 4; 26 — after Тереножкин 1976: fig. 20: 11; 27 — after Chochorowski 1993: Abb. 16: 4).

Судя по сохранившемуся скипевшемуся фрагменту, пластины были набраны правым набором: правый край одной пластины закрывал левый край соседней. Панцирь был набран из бронзовых чешуек с двумя отверстиями (сохранилась лишь одна железная чешуйка, и А. А. Бобринской (1916: 2) упоминал лишь о бронзовых). В инвентарной книге отмечено, что вместе с панцирными чешуйками лежали и бронзовые пластины, прямой край которых имеет отверстия для крепления, а противоположный — орнаментирован рядом штампованных ромбов.

В публикациях упомяната только одна пластина (Ильинская 1975: 107; Черненко 1968: 71, рис. 31: 4). В действительности существует 6 фрагментов таких пластин, общая длина которых составляет около 25 см (кат. 42, рис. IV.2: 1). Е. В. Черненко (1968: 71) определил пластину из Жаботина как часть португальского пояса. Аналогичные пластины обнаружены в погр. 4 могильника Индустрия 1 и в погр. 1 1989 г. у Лермонтовской скалы (рис. IV.2: 2–3). В первом случае наборный панцирь более чем из 600 бронзовых чешуек заканчивался внизу длинными пластинами, орнаментированными рядом штампованных ромбов (Виноградов и др. 1980: 194), во втором — бронзовая пластина с зубчатым краем наверху была найдена в районе пояса, чешуек не обнаружено (Березин, Дударев 1998: 169). Еще один панцирь, состоящий из более 1000 бронзовых чешуек и фрагментов бронзовых пластин, нижний край которых украшен чеканным ромбическим орнаментом, образующим зубчатые выступы, происходит из погребения у восточного подножия г. Бештау (Козьи Скалы). Авторы публикации, следуя определению Е. В. Черненко, относят пластины к португальскому наборному поясу (Дударев, Фоменко 2007: 9–10). Однако, учитывая расположение пластин внизу панциря из погр. 4 могильника Индустрия 1, вероятнее относить все подобные пластины к деталям панциря.

Отличительными признаками жаботинского доспеха является то, что он, по всей вероятности, практически полностью был изготовлен из бронзовых чешуй с двумя отверстиями. Оба эти обстоятельства выделяют его из большой серии чешуйчатых панцирей архаического периода, которые комбинировались из железных и бронзовых чешуй. Исключительно бронзовые чешуи обнаружены, как правило, в предскифских и наиболее архаичных раннескифских памятниках: погребение у Кабан-Горы; разрушенное погребение и погр. 4 Индустрия 1; погр. 16 Клин-Яр III; разрушенное погребение г. Бештау (Козьи Скалы); могильник Цемдолина у г. Новороссийск; кург. 1 Уашхиту; кург. 2 Хаджох I; кург. 9 Красное Знамя (Рябкова 2010б: табл. 1). Видимо, панцири из бронзовых чешуек можно считать признаком наиболее ранних кочевнических погребений. Важно отметить, что большинство таких памятников сконцентрированы в Пятигорье и Закубанье.

Два отверстия на верхнем краю панцирной чешуйки — явление еще менее распространенное, нежели полностью бронзовый доспех: как правило, у чешуек большинства панцирей архаического периода имеются три отверстия для прикрепления (Черненко 1968: 29). Кроме жаботинского по два отверстия на чешуйках отмечены у железных доспехов из Норшунтепе и кург. 15 могильника Стеблев (рис. IV.1: 9–10), которые также относят к наиболее ранним кочевническим захоронениям.³

³ С датировкой кург. 15 могильника Стеблев VIII в. до н. э. (Клочко, Скорый 1993: 77–82) и отнесением его к группе древнейших скифских погребений (Алексеев 2003:

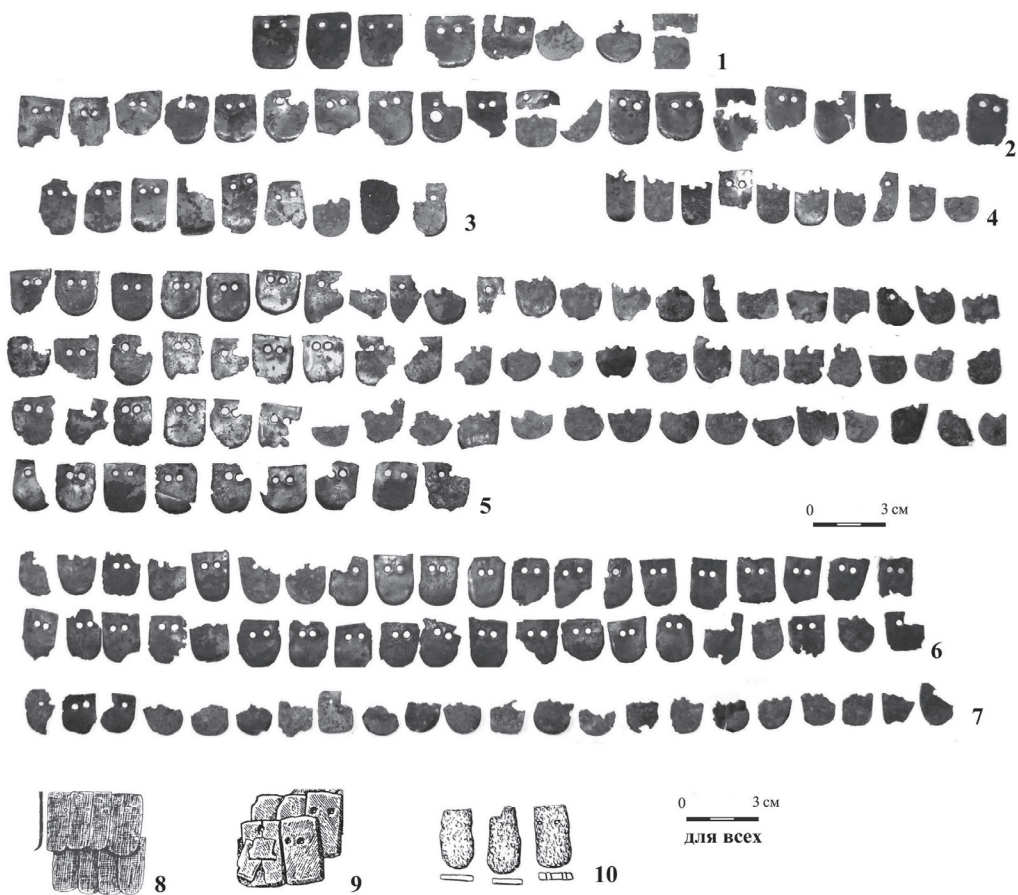

Рис. IV.1. Чешуйчатые доспехи из бронзы и железа. 1–7 — Жаботин, курган 524 (кат. 41); 8 — Индустрия 1, погребение 4; 9 — Стеблев, курган 15; 10 — Норшунтепе (без масштаба) (8 — по Виноградов и др. 1980: 193, рис. 7; 9–11; 9 — по Ключко, Скорый 1993: рис. 3; 5; 10 — по Schmidt 2002: Abb. 56: 721).

Fig. IV.1. Scale armor of bronze and iron. 1–7 — Zhabotin, barrow 524 (cat. 41); 8 — Industriya 1, burial 4; 9 — Steblev, barrow 15; 10 — Norshuntepe (not to scale) (8 — after Виноградов и др. 1980: 193, fig. 7; 9–11; 9 — after Ключко, Скорый 1993: fig. 3; 5; 10 — after Schmidt 2002: Abb. 56: 721).

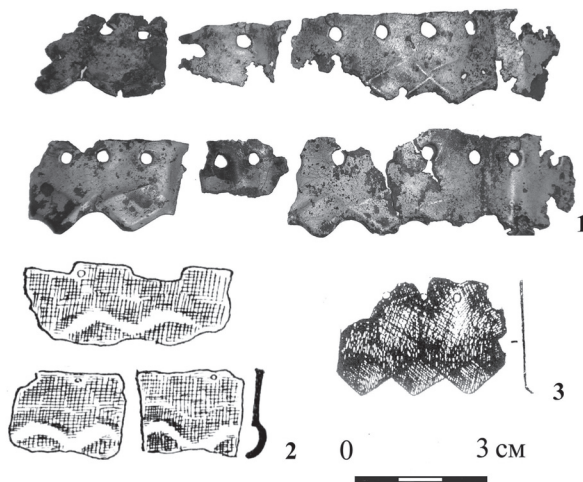

Рис. IV.2. Пластины чешуйчатых доспехов из бронзы. 1 — Жаботин, курган 524 (кат. 42); 2 — Индустрия 1, погребение 1; 3 — погребение 1 1989 г. у Лермонтовской скалы (2 — по Виноградов и др. 1980: 193, рис. 7: 9–11; 3 — по Березин, Дударев 1998: рис. 8: 4).

Fig. IV.2. Plates of scale armor of bronze. 1 — Zhabotin, barrow 524 (cat. 42); 2 — Industriya 1, burial 1; 3 — burial 1 near Lermontov's cliff (2 — after Виноградов и др. 1980: 193, fig. 7: 9–11; 3 — after Березин, Дударев 1998: fig. 8: 4).

Бронзовый клепаный сосуд (кат. 43). Бронзовый клепаный сосуд представлен в комплексе фрагментами стенок, венчика и клепками. Фрагменты обнаружены вместе с панцирными чешуйками и пластинами. Толщина слоя бронзы, из которой выполнены фрагменты сосуда, больше, чем у панцирных чешуек и пластин, некоторые орнаментированы изображениями ромба и прямыми линиями (рис. V.1). Рентгено-флюоресцентный анализ, выполненный С. В. Хавриным в Лаборатории научно-технической экспертизы ГЭ, показал идентичность состава металла орнаментированных фрагментов и фрагментов с клепками, поэтому высока вероятность того, что все они являются обломками одного предмета. Они изготовлены из сплава, основу которого составляет медь, в качестве примесей присутствует олово (11–14%), в незначительном количестве (следы) свинец, сурьма, олово, железо (табл. 1).

Бронзовые клепаные сосуды, традиционно называемые ситутлами, хорошо известны в предскифских и раннескифских памятниках Северного Кавказа и Правобережного Приднепровья (Ильинская 1975: 114; Ковпаненко и др. 1989: 60; Крупнов 1960: 320; Галанина 1997: 150; Петренко 2006: 83–86; и др.). Однако до сих пор клепаные сосуды с орнаментом в кочевнических погребениях

59–60) согласны не все исследователи (см., например: Иванчик 2001: 115; Дараган, Подобед 2011: 583–584).

Северного Кавказа и Приднепровья не были обнаружены, и наличие орнаментированного бронзового сосуда в кург. 524 у с. Жаботин является уникальным фактом.⁴

Таблица 1. Данные рентгено-флюоресцентного анализа бронзовых предметов кургана 524 у с. Жаботин

Table 1. Data of the X-ray fluorescence analysis of bronze objects from Barrow No. 524 near the village of Zhabotin

Инв. №	Предмет	Cu, %	Sn, %	Pb, %	As, %	Zn, %	Ni, %	Ag, %	Прочие, %
Дн 1913 2/20	Чешуйка панциря	осн.	15–17	–	0,3	–	сл.	сл.	Fe сл.
Дн 1913 2/20	Чешуйка панциря	осн.	10–12	сл.	0,2	?	–	?	Fe сл.
Дн 1913 2/24	Псалий	осн.	15–22	< 1	сл.	?	?	сл.	Fe сл.
Дн 1913 2/25	Псалий	осн.	17–20	0,3–0,6	сл.	?	?	?	Fe сл.
Дн 1913 2/21	Фрагмент ситулы (клепка)	осн.	11–13	сл.	сл.	–	сл.	–	Fe сл.
Дн 1913 2/12	Фрагмент пластины с ромбовидным орнаментом	осн.	12–14	–	сл.	–	сл.	–	Fe сл.
Дн 1913 2/15	Пластина панциря с отверстиями	осн.	12–13	сл.	сл.	?	?	–	Fe сл.
Дн 1913 2/19	Наконечник стрелы	осн.	6–8	сл.	сл.	–	–	сл.	Fe, Sb сл.
Дн 1913 2/19	Наконечник стрелы	осн.	~1	сл.	сл.	–	сл.	?	Fe сл.

Бронзовые сосуды, украшенные аналогичным орнаментом в виде наклонно расставленных ромбов, известны в комплексах первой половины I тыс. до н. э. южных и северных склонов Центрального Кавказа. Из погребений Тлийского могильника происходит представительная серия клепаных сосудов, орнаментированных ромбами. Это кружки с зооморфными ручками (погр. 401, 409, 417 — рис. V.2: 3, 5–6), бронзовое ведро-котел с боковыми ушками, связанными проволочными ручками (погр. 362/1 — рис. V.2: 2), ваза с маленькими ушками (погр. 49 — рис. V.2: 1), бронзовая чаша (погр. 298 — рис. V.2: 4). Орнаментированные клепаные сосуды являлись предметами импорта: большая медная ваза с аналогичным декором была найдена у с. Атабаево в Волго-Камье (рис. V.2: 8). В погр. 150 и 315 Старшего Ахмыловского могильника обнаружены детали женских головных уборов с характерным орнаментом в виде наклонно расставленных ромбов, сделанных из обломков стенок таких ваз (Халиков 1977: 228).

Ближайшей аналогией жаботинскому сосуду можно считать клепаную бронзовую кружку из Лухванского клада, хранящуюся в ГЭ (рис. V.2: 7). В верхней части она украшена орнаментом в виде двух поясов наклонных ромбов, обрамленных «тремя кольцевыми врезками» (Иессен 1962: 46). Исследование этой кружки (инв. № 1727/16) и фрагментов сосуда из кург. 524 у с. Жаботин показало, что орнамент нанесен на них одинаковым способом. Ромбы выполнены в технике чеканки по лицевой стороне металлическим инструментом с тонким

⁴ Одно из бронзовых блюд из кург. 20 могильника Нартан имеет похожий орнамент (рис. V.2: 9), однако в публикации нет никаких указаний на то, что оно клепаное (Батчаев 1985: 45: табл. 48: 38).

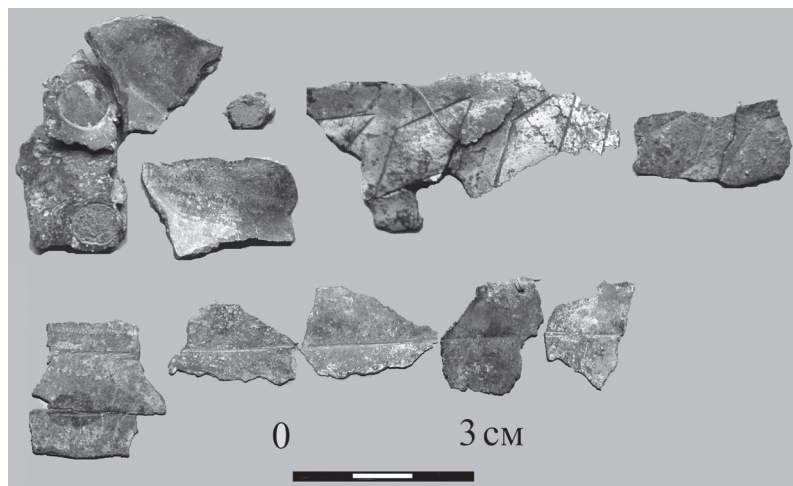

Рис. V.1. Фрагменты орнаментированного сосуда из кургана 524 у с. Жаботин (кат. 43).

Fig. V.1. Fragments of a decorated vessel from barrow 524 near the village of Zhabotin (cat. 43).

заостренным плоским концом (типа стамески), за счет легкой деформации металла образовался невысокий рельеф, горизонтальные линии гравированы. Фрагменты сосуда из кург. 524 у с. Жаботин с горизонтальными гравированными линиями (рис. V.1) вместе с ромбами, вероятно, являлись частью орнаментального пояса, похожего на пояс сосуда из Лухвано. Важно отметить, что на всех без исключения сосудах с ромбическим орнаментом из Тлийского могильника, Атабаево и Нартана полосы ромбов разделены не горизонтальными прочерченными линиями, а точками, насечками, двойными линиями, заполненными мелкими наклонными штрихами, поэтому ближайшей аналогией жаботинскому сосуду является именно кружка из клада у с. Лухвано.

По мнению исследователей, занимающихся проблемами кобанской культуры, начало изготовления бронзовой посуды приходится на период Кобан II, датирующийся серединой XII — началом X в. до н. э. (Козенкова 1996: 92), и продолжается до VII–VI вв. до н. э. (Техов 2002: 182). Б. В. Техов датировал комплексы с бронзовыми орнаментированными кружками из Тлийского могильника VIII–VII вв. до н. э. (Там же: 181), а комплексы с сосудами с двумя ушками — VII–VI вв. до н. э. (Там же: 182). А. А. Иессен (1962: 46) считал, что все предметы Лухванского клада характерны для эпохи позднего бронзового века и датировал этот комплекс IX–VIII вв. до н. э. Таким образом, комплексы с орнаментированными кружками на шкале относительной хронологии предшествуют комплексам с орнаментированными сосудами с двумя ушками.

Это подтверждается и с позиций относительной хронологической шкалы, построенной А. Ю. Скаковым с учетом эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров, встречающихся в комплексах с бронзовыми орнаментированными сосудами. Так, орнаментированный топор из Лухванского клада отнесен А. Ю. Скаковым ко второму хронологическому периоду в развитии декора

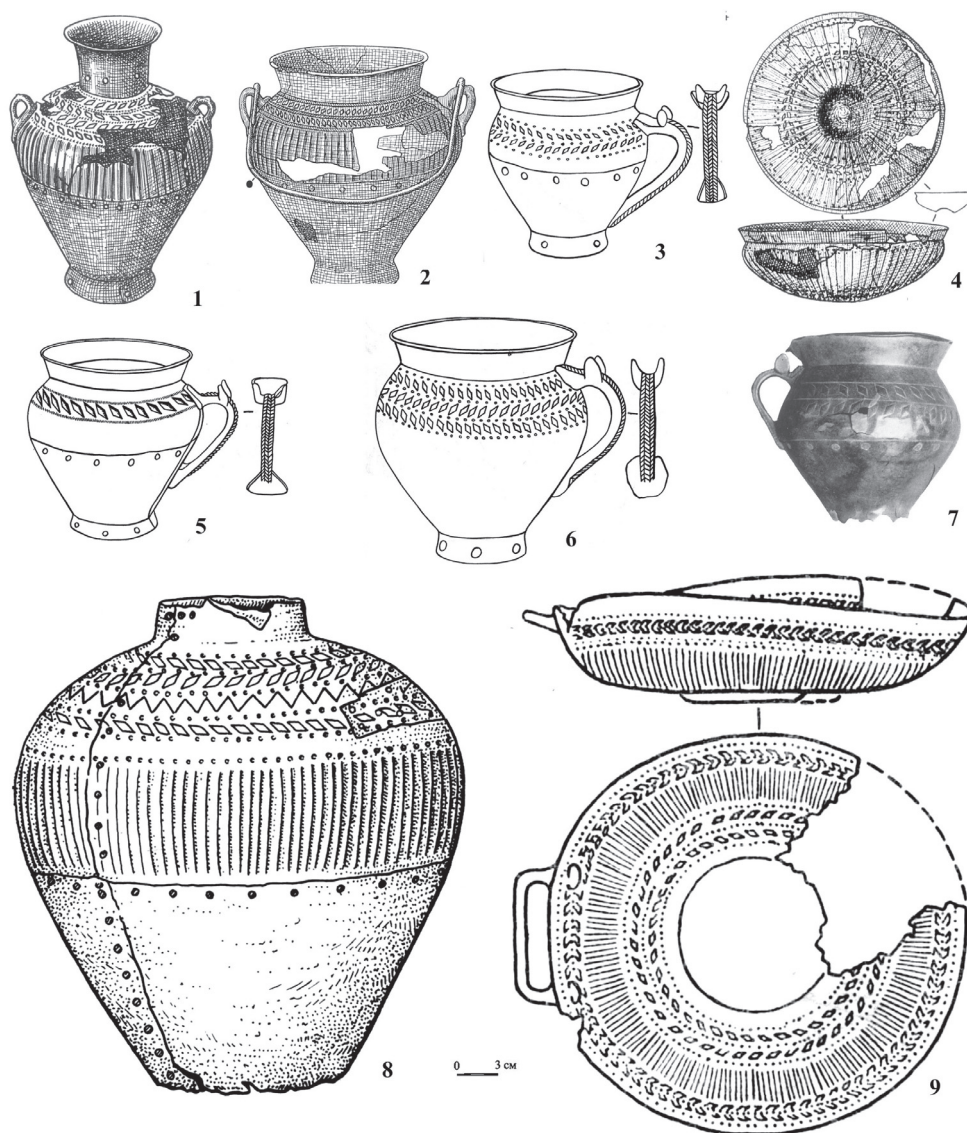

Рис. V.2. Бронзовые орнаментированные сосуды. 1 — Тлийский могильник, погребение 49; 2 — Тлийский могильник, погребение 362/1; 3 — Тлийский могильник, погребение 417; 4 — Тлийский могильник, погребение 298; 5 — Тлийский могильник, погребение 401; 6 — Тлийский могильник, погребение 409; 7 — Лухванский клад; 8 — Атабаево; 9 — Нартан, курган 20 (1 — по Техов 1981: табл. 97: 6; 2-3, 5-6 — по Техов 2002: табл. 32: 9; 74: 10; 82: 5; 90: 3; 4 — по Техов 1980: рис. 20: 6; 7 — по Иессен 1962: рис. 5; 8 — по Халиков 1977: рис. 84; 9 — по Батчаев 1985: табл. 48: 38).

Fig. V.2. Bronze decorated vessels. 1 — Tli cemetery, burial 49; 2 — Tli cemetery, burial 362/1; 3 — Tli cemetery, burial 417; 4 — Tli cemetery, burial 298; 5 — Tli cemetery, burial 401; 6 — Tli cemetery, burial 409; 7 — Lukhvanski hoard; 8 — Atabaevo; 9 — Natan, barrow 20 (1 — after Tehov 1981: table 97: 6; 2-3, 5-6 — after Tehov 2002: table 32: 9; 74: 10; 82: 5; 90: 3; 4 — after Tehov 1980: fig. 20: 6; 7 — after Iessen 1962: fig. 5; 8 — after Халиков 1977: fig. 84; 9 — after Батчаев 1985: table 48: 38).

кобано-колхидских бронзовых топоров (Скаков 1997: 77), а топоры из погр. 49 и 362/1 Тлийского могильника отнесены к четвертому хронологическому периоду (Там же: 82). Отметим, что в погр. 4 могильника Индустрия 1, в котором также имеются аналогии предметам из рассматриваемого жаботинского комплекса, обнаружены кобанские топоры, аналогичные лухванским (Виноградов и др. 1980: рис. 7: 2–3). Очевидно, дата, близкая дате лухванского сосуда, должна быть принята и для сосуда из кург. 524 у с. Жаботин, что является дополнительным аргументом в пользу пересмотра хронологической позиции этого комплекса в сторону удревнения.

Псалии (кат. 44). Бронзовым трехмуфтовым псалиям из кург. 524 у с. Жаботин посвящена довольно обширная литература. Они были выделены в III тип А. А. Иессеном (Иессен 1953: 86), позднее А. И. Тереножкин (1971: 76) назвал их псалиями жаботинского типа. По С. Б. Вальчаку, эти псалии относятся к типу 3 «Жаботин 524» (Вальчак 2009: 66), В. Р. Эрлих объединил их с псалиями из кургана Уашхиту в тип «Уашхиту–Жаботин», указав на их морфологическую близость (Эрлих 1994: 32). Подобное объединение представляется спорным, поскольку псалии типа «Жаботин» отличаются от псалиев типа «Уашхиту» разным оформлением изогнутого конца: изогнутый стержень у жаботинских экземпляров морфологически отличен от лопасти псалиев из Уашхиту (Махортых 2003: 47), из чего следует, что псалии типа «Уашхиту» являются синкретической формой, созданной на основе псалиев типа Жаботин 524 и классических новочеркасских (Рябкова 2007: 133; Вальчак 2009: 67).

Чрезвычайно важен и сложен вопрос генезиса этих псалиев, поскольку он напрямую связан с определением хронологического горизонта существования типа, а также с определением вектора движения кочевнических групп, приведших к появлению в Приднепровье памятников круга Жаботин 524. По поводу происхождения псалиев типа «Уашхиту–Жаботин» В. Р. Эрлих предположил, что они являются синтезом цимбальских и новочеркасских, однако позже отказался от этого предположения из-за того, что цимбальский тип к концу VIII — началу VII в. уже перестает существовать. Тип «Уашхиту–Жаботин», по В. Р. Эрлиху, возник в результате синтеза сиалковских псалиев с местной классической новочеркасской формой (при этом исследователь отмечает, что сиалковский тип имеет 3 отверстия в расширенном в этих местах стержне, а не муфты, и общую изогнутость стержня, тогда как у псалиев «Уашхиту–Жаботин» изогнут лишь один конец — см. Эрлих 1994: 102). В полной мере это относится к псалиям типа «Уашхиту», однако мало дает для прояснения вопроса о генезисе псалиев типа «Жаботин». И. Н. Медведская (2005: 109) считает, что сиалковский тип псалиев наиболее близок экземплярам из кург. 23 могильника Сакар-чага 6, Красной Деревни (эльтоновский тип), Дальверзина (фрагмент матрицы) и значительно отличается от псалиев из Закубанья.

Наличие в комплексах с псалиями жаботинского типа вещей центрально-азиатских типов и существование псалиев подобного типа в памятниках аржано-черногоровского этапа позволило мне предположить, что псалии жаботинского типа в классическом варианте (с шишечками на обоих концах) своим происхождением связаны с центральноазиатским регионом, и на территории Приднепровья и Северного Кавказа являются центральноазиатской инновацией (Рябкова 2007: 133). Вновь возвращаясь к этому вопросу, необходимо

рассмотреть морфологические и декоративные особенности псалиев из кург. 524 у с. Жаботин, а также круг аналогий, который может продемонстрировать развитие типа. Не претендуя на окончательное решение вопроса, ограничимся лишь констатацией некоторых фактов.

Морфологические признаки: стержневидное, несколько изогнутое тулово, три круглые отверстия в муфтах, верхний длинный конец с шишечкой, отогнутый во внешнюю сторону, нижний конец бывает длинным или коротким, часто имеет фигурные завершения в виде шишечки или конского копыта (Вальчак 2009: 66–67). Ярким отличительным признаком псалиев из Жаботина является орнаментация муфт изображением круга, заключенного в ромб с вогнутыми сторонами на внешней (вогнутой) стороне (рис. VI.1–2; VI.2: 20). Эти признаки в комплексе присущи лишь экземплярам из кург. 524 у с. Жаботин, все прочие экземпляры имеют отличия. У жаботинских псалиев шишечка имеется лишь на коротком конце, на длинном она по каким-то причинам была отломана в древности (рис. VI.1: 1) так же, как и у экземпляров из кург. 375 у с. Емчиха (рис. VI.2: 14). Нет ее и у экземпляра из кург. 2 Хаджох I (рис. VI.2: 25–26), но у других экземпляров она присутствует (кург. 1 Хаджох I, Леград, погр. 1 кург. 6 Яснозорье, погребение у хут. Алексеевский — рис. VI.2: 5, 17, 21, 24). Некоторые экземпляры этого типа имеют рифленый короткий конец и длинный загнутый и приостренный (рис. VI.2: 19, 22, 26), короткий конец с копытом на конце (рис. VI.2: 16–17, 21), муфты без орнамента (рис. VI.2: 14–19, 22, 24–25) или муфты с орнаментом в виде рельефных поперечных полосок (рубчатая орнаментация) (рис. VI.2: 26–28). Изображения ромбовидного знака на бронзовых псалиях чрезвычайно редки (рис. VI.2: 20, 23), костяные (роговые) их аналоги многочисленны и распространены исключительно в Приднепровье (рис. VI.2: 29–35). Вероятно, именно бронзовые псалии с орнаментированными муфтами стояли в начале ряда широко распространенных в памятниках Приднепровья трехдырчатых костяных псалиев с прямоугольными выступами на внутренней части напротив отверстий для ремней оголовья. О том, что эта форма воспроизводит схему бронзового трехмуфтового псалия, свидетельствует тот факт, что изготовление выступов требовало вырезывания части костяной основы из заготовки, что делало псалий более тонким и хрупким, но это не принималось во внимание древними мастерами.

Дополнительным аргументом в пользу того, что выступы на костяных псалиях — воспроизведение муфт, является их украшение изображениями ромбовидного знака, часто редуцированного до косоугольного креста или кружка (рис. VI.2: 29–33), или изображениями конского копыта (рис. VI.2: 34–35). Таким образом, традиция орнаментации муфт бронзовых псалиев ромбовидным знаком и поперечными полосками существовала весьма непродолжительный отрезок времени. Вероятно, она берет свое начало от орнаментации муфт псалиев типа Малая Цимбалка (рис. VI.2: 1). Для псалиев этого типа (группа 3, тип 2, по С. Б. Вальчаку) характерна орнаментация внешней части муфт декоративными литыми элементами в виде рельефных дисков (см. Вальчак 2009: 65–66; рис. 60–63). Бронзовые экземпляры с рельефными поперечными полосками (рубчатая орнаментация) на муфтообразных выступах и расширениях у отверстий (типы III Б и IV В, по В. Р. Эрлиху — см. Эрлих 2007: 127, 129) пока известны лишь в памятниках Закубанья (рис. VI.2: 26–28). Кроме этого, из Приаралья (кург. 51

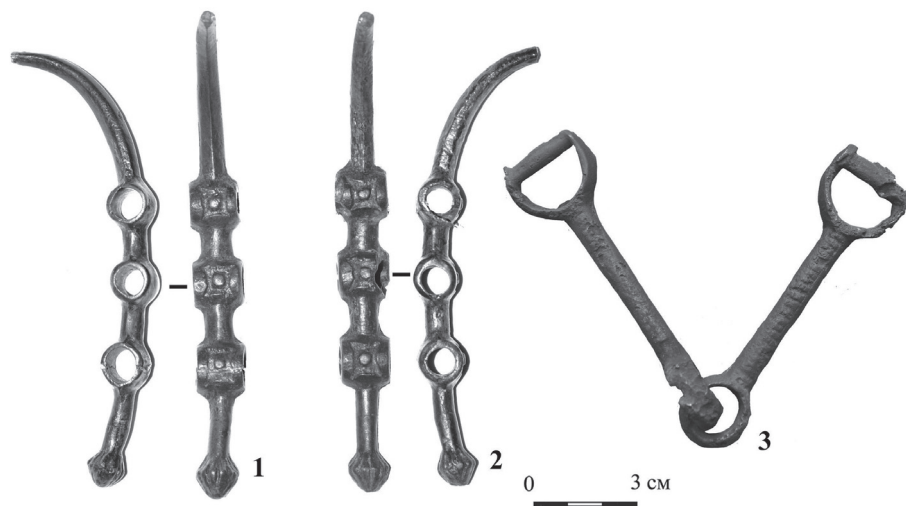

Рис. VI.1. Предметы конской узды из кургана 524 у с. Жаботин (кат. 44–45). 1–2 — кат. 44; 3 — кат. 45.

Fig. VI.1. Harness details from barrow 524 near the village of Zhabotin (cat. 44–45). 1–2 — cat. 44; 3 — cat. 45.

могильника Уйгарак) происходят псалии другого типа, но с аналогичным украшением муфт (рис. VI.2: 13). Неоднократно отмечалось, что у черноговоровских псалиев встречается орнаментация утолщений у отверстий поперечными рельефными полосками (Эрлих 2007: 127; Вальчак 2009: 58), и, возможно, что эта традиция сохраняется в Закубанье до позднейшего предскифского времени. Интересно, что орнаментация поперечными полосками псалиев из кости (рис. VI.2: 36–37) встречается в Приднепровье, но распространена значительно меньше.

Как у жаботинских экземпляров, у псалиев типа Малая Цимбалка также хорошо выражены муфты, концы имеют разную длину, верхний конец может быть значительно отогнут наружу. Трехмуфтовые псалии со сходными признаками (рис. VI.2: 6–7) бытовали в Центральной Европе: считается, что они являются модификациями псалиев типа Малая Цимбалка и бытовали до конца периода HaB3 (Chochorowski 1993: Abb. 3). В памятниках Предкавказья распространены экземпляры, сочетающие малоцимбальскую трехмуфтовую схему стержня с удлиненными концами, на которых вместо шляпки появляется шишечка (рис. VI.2: 2–3). Вероятно, изменения были обусловлены совмещением и переработкой двух традиций: малоцимбальской (местной для Закубанья, по В. Р. Эрлиху — см. Эрлих 2007: 131) и пришлой центральноазиатской, известной по экземплярам из Красной Деревни, кург. 6 Сакар-чаги 6, Черного Ануя-1, Леграда и др. (рис. VI.2: 4–5, 8–10). Появление сиалковских псалиев (рис. VI.2: 12), вероятно, надо связывать именно с распространением этой центральноазиатской традиции в Передней Азии. Появление модификаций псалиев типа Жаботин с копытцем на коротком конце тоже может быть связано

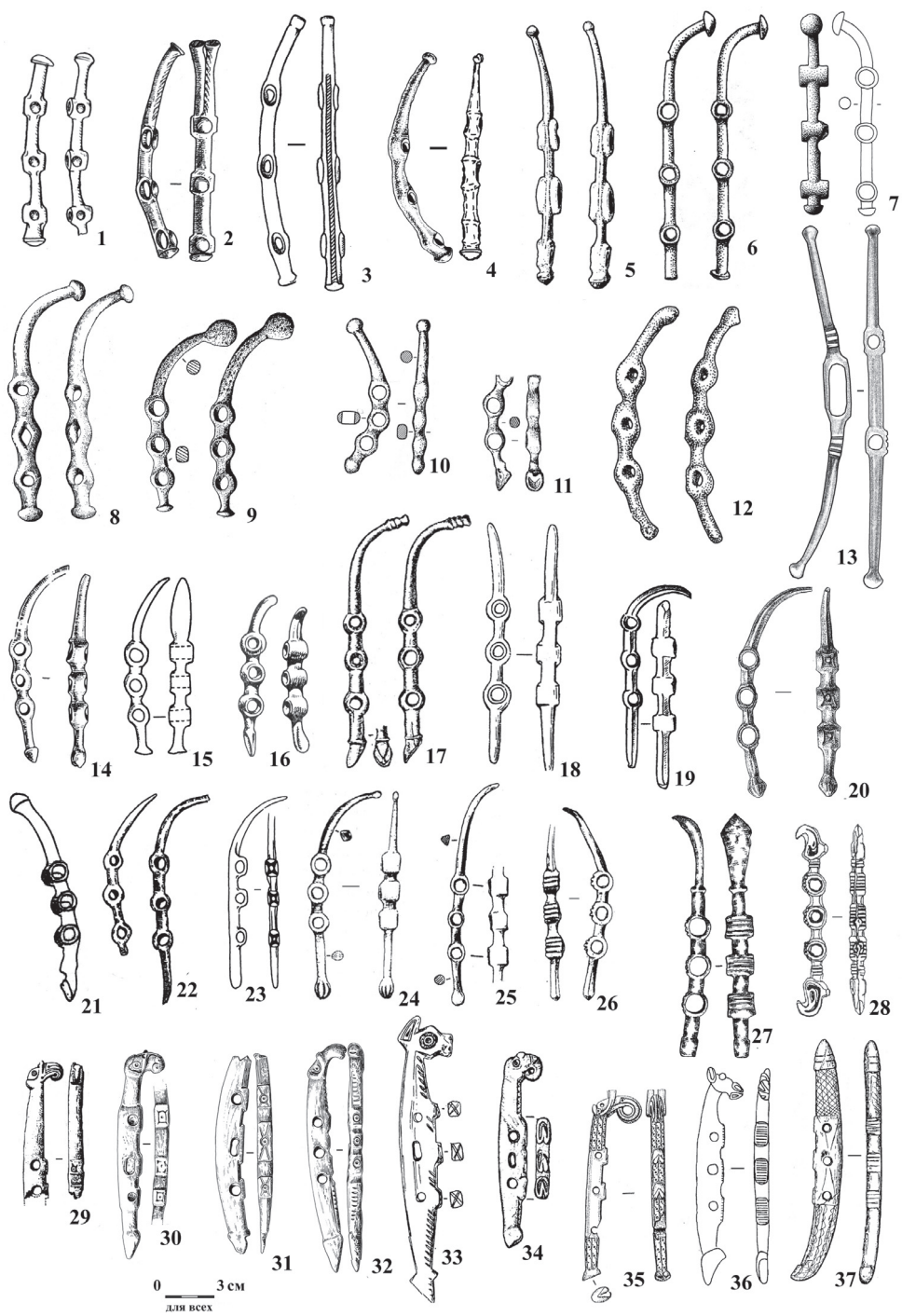

Рис. VI.2. Псалии из погребений Предкавказья, Северо-Западного Кавказа, Приднепровья, Присарыкамья, Алтая и Минусинской котловины. 1 — Малая Цимбалка; 2–3 — Каменномостский могильник, Кисловодск; 4 — Красная деревня, курган 7 погребение 5; 5 — Леград; 6 — Пршедмержиц; 7 — Батина; 8 — Сакар-чага 6, курган 23; 9–10 — Черный Ануй-1, Карбан-1, курган 5; 11 — Минусинский музей, № 4904; 12 — Сиалк В, погребение 15; 13 — Уйгарак, курган 51; 14 — Емчиха, курган 373; 15 — Каневский уезд; 16 — Медвин, курган 2; 17 — Яснозорье, курган 6 погребение 1; 18–19 — Тенетинка, курган 183; Старая Толучеева; 20 — Жаботин, курган 524 (кат. 44); 21 — курган у хут. Алексеевский; 22 — Шесхарис, погребение 4; 23 — Пшиш I, погребение 37; 24 — Хаджох I, курган 1; 25–26 — Хаджох I, курган 2; 27 — Уашхиту I, курган 1; 28 — Кубанский могильник, погребение 39; 29 — Немировское городище; 30 — Аксютинцы, курган 468; 31–32 — Аксютинцы, курган 470; 33 — Аксютинцы, курган 2; 34 — Бельск, ур. Царина, зольник 1; 35 — Новозаведенное-II, курган 16; 36 — Аксютинцы, курган 1; 37 — Медвин 1, курган 23 (без масштаба) (1 — по Тереножкин 1976: рис. 24: 1; 2–3 — по Иессен 1953: рис. 3: 5; 5; 4 — по Вальчак 2009: рис. 59: 5; 5 — по Chochorowski 1993: Abb. 44: 1–2; 6–7 — по Махортых 2003: рис. 55: 10; 56: 5–6; 8 — по Яблонский 1996: рис. 18: 1–2; 9–10 — по Шульга 2008: рис. 44: 10, 12; 42: 4; 11 — по Шульга 2013: рис. 37: 3; 12 — по Иванчик 2001: рис. 81: 10; 13 — по Вишневская 1973: табл. XVI: 10; 14 — по Галанина 1977: табл. 4: 10; 15 — по Иессен 1953: рис. 3: 6; 16 — по Ковпаненко 1981: рис. 31: 4–5; 17 — по Ковпаненко и др. 1994: рис. 6: 3; 18–19 — по Тереножкин 1971: рис. 2: 6–7; 21 — по Ильинская, Тереножкин 1983: рис. на с. 23: 7; 22–28 — по Эрлих 2007: рис. 4; 12; 192: 1, 6–9, 26); 29 — по Смирнова 1998: рис. 30: 1; 30 — по Галанина 1977: табл. 19: 2; 20: 2–3; 33 — по Ильинская 1968: табл. XX: 12; 34, 36–37 — по Могилов 2008: рис. 43: 6; 47: 8; 53: 2; 35 — по Петренко и др. 2000: рис. 4: 8).

Fig. VI.2. Psalia from burials in the Fore-Caucasus, Northwestern Caucasus, Dnieper region, Sary-Kamysh region, Altai Mountains, and Minusinsk depression 1 — Malaya Tsimbalka; 2–3 — Kamennomostskiy cemetery, Kislovodsk; 4 — Krasnaya derevnya, barrow 7, burial 5; 5 — Legrad; 6 — Pšedmeřice; 7 — Batina; 8 — Sakar-Chaga 6, barrow 23; 9–10 — Chernyi Anui-1, Karban-1, barrow 5; 11 — Minusinsk Museum, № 4904; 12 — Sialk B, burial 15; 13 — Uigarak, barrow 51; 14 — Emchikha, barrow 373; 15 — Kanev district; 16 — Medvin, barrow 2; 17 — Yasnozorie, barrow 6, burial 1; 18–19 — Tenetinka, barrow 183; Staraya Tolochueva; 20 — Zhabotin, barrow 524 (cat. 44); 21 — barrow near the Alexeevskiy farm stead; 22 — Sheskharis, burial 4; 23 — Pshish I, burial 37; 24 — Khadzkhokh I, barrow 1; 25–26 — Khadzkhokh I, barrow 2; 27 — Uashkhitu I, barrow 1; 28 — Kuban cemetery, burial 39; 29 — fortified settlement of Nemirovo; 30 — Aksyutintsy, barrow 468; 31–32 — Aksyutintsy, barrow 470; 33 — Aksyutintsy, barrow 1; 37 — Medvin 1, barrow 23 (not to scale) (1 — after Тереножкин 1976: fig. 24: 1; 2–3 — after Иессен 1953: fig. 3: 5; 5; 4 — after Вальчак 2009: fig. 59: 5; 5 — after Chochorowski 1993: Abb. 44: 1–2; 6–7 — after Махортых 2003: fig. 55: 10; 56: 5–6; 8 — after Яблонский 1996: fig. 18: 1–2; 9–10 — after Шульга 2008: fig. 44: 10, 12; 42: 4; 11 — after Шульга 2013: fig. 37: 3; 12 — after Иванчик 2001: fig. 81: 10; 13 — after Вишневская 1973: table XVI: 10; 14 — after Галанина 1977: table 4: 10; 15 — after Иессен 1953: fig. 3: 6; 16 — after Ковпаненко 1981: fig. 31: 4–5; 17 — after Ковпаненко и др. 1994: fig. 6: 3; 18–19 — after Тереножкин 1971: fig. 2: 6–7; 21 — after Ильинская, Тереножкин 1983: fig. on p. 23: 7; 22–28 — after Эрлих 2007: fig. 4; 12; 192: 1, 6–9, 26); 29 — after Смирнова 1998: fig. 30: 1; 30 — after Галанина 1977: table 19: 2; 20: 2–3; 33 — after Ильинская 1968: table XX: 12; 34, 36–37 — after Могилов 2008: fig. 43: 6; 47: 8; 53: 2; 35 — after Петренко и др. 2000: fig. 4: 8).

с влиянием центральноазиатской традиции: похожий экземпляр известен по собранию Минусинского музея (рис. VI.2: 11). Характерно, что псалии типа Жаботин с шишечками на обоих концах происходят из комплексов, имеющих в своем составе предметы собственно центральноазиатского происхождения: в кург. 1 Хаджох I — это стремечковидные удила с дополнительными отверстиями (Эрлих 2007: рис. 114: 1); в кладе из Леграда — крестовидные обоймы для перекрестия ремней, имеющие аналогии в кург. 55 Южного Тагискена (Итина, Яблонский 1997: рис. 47: 14). Уздечные бляхи из кург. 2 Хаджох I декорированы изображениями круга, заключенного в ромб с вогнутыми сторонами (Эрлих 2007: рис. 118: 3), аналогичными изображениям на муфтах жаботинских псалиев. А. И. Тереножкин считал, что подобные значки появились в культуре позднейшего предскифского периода в результате воздействий, идущих из Сибири и Центральной Азии, и аналогии ромбовидным значкам имеются не только на предметах конской упряжи из памятников центральноазиатского региона, но и на «антропоморфных и зооморфных статуях из Минусинских степей» (Тереножкин 1976: 174).

В результате анализа более двухсот предметов из комплексов предскифского и раннескифского времени с изображениями ромбовидного знака были выделены основные мотивы и прослежена их трансформация. Это позволило выяснить, что мотивом круга, вписанного в ромб со слегка вогнутыми сторонами (группа 1), декорированы в основном предметы из предскифских памятников Центральной Европы, Северо-Западного Кавказа, Предкавказья и Волго-Камья (Рябкова 2010а: 309–312, рис. 1). Мотив характеризуется иконографическим сходством с изображениями окуневских солярных знаков, что позволяет соотнести его с репертуаром окуневского искусства, а концентрация предметов с изображениями ромбовидных знаков, соответствующих исходной традиции декора в центральноазиатском регионе, маркирует исходный очаг формирования и распространения традиции (Рябкова 2011: 106).

Таким образом, анализ морфологических и декоративных признаков псалиев из кург. 524 у с. Жаботин и их аналогий позволяет утверждать, что их происхождение связано с регионами Северо-Западного Кавказа и Предкавказья, а сами они являются результатом совмещения местной традиции и центральноазиатских влияний.

Удила (кат. 45). Удила относятся к типу стремечковидных (стремевидных) — одному из самых распространенных типов удил предскифского и раннескифского времени (Вальчак 2009: 29). Как представляется, наиболее показательным признаком жаботинского экземпляра является орнамент в виде выпуклого пояска, разделенного на прямоугольники, покрывающий одну сторону обоих грызел от внешнего до внутреннего конца (рис. VI.1: 3). Рисунок этих удил постоянно воспроизводится по рисунку в книге В. А. Ильинской (Ильинская 1975: табл. VII: 13), где они нарисованы с неточностями — на втором звене нет орнамента (см. Иванчик 2001: рис. 84: 6; Скорый 2003: рис. 4: 4; и др.). Это обстоятельство объясняется тем, что рельеф плохо различим из-за сильной изношенности и потертости удил — вероятно, они долгое время были в употреблении. Сходный орнамент, также плохо различимый из-за изношенности, имеется и на экземплярах из кург. 2 у с. Жаботин: он либо вообще не воспроизводится в публикациях (Ильинская 1975: табл. VI: 1–2), либо дается

рисунок, где рельеф показан лишь на двукольчатых удилах (Вязьмитина 1963: рис. 1: 1–2). Тем не менее, изучение этих экземпляров в Национальном музее истории Украины показало, что рельеф в виде прямоугольников присутствует и на экземпляре со стремечковидными петлями.

По наблюдению С. Б. Вальчака, прямоугольный и двурядно-прямоугольный рельеф распространен на двукольчатых удилах предскифского времени (Вальчак 2009: 43–44). В качестве аналогий декору жаботинских удил можно привести декор на грызлах двукольчатых экземпляров из ст. Махошевской (Кочевники Евразии... 2012: кат. 105), из Красногвардейского района Адыгеи, аула Тайухабля, Пшишского клада 1988 г. (Эрлих 2007: рис. 169: 3–4, 6), из Сурмуши в Грузии, хут. Обрывского ст. Чернышевской (Иессен 1953: рис. 8: 10), погр. 35 Фарс (Эрлих 1994: табл. 13: 10), и стремечковидных экземпляров: кург. 41 Клады (Кочевники Евразии... 2012: кат. 107), погр. 1 кург. 6 Яснозорье (Скорый 2003: рис. 21: 1). Таким образом, украшение жаботинских удил мотивами, характерными для предскифского периода, является еще одним свидетельством ранней хронологической позиции этого комплекса.

Бляшки (кат. 46). Нашивные бляшки, тисненные из листа низкопробного золота, изготовить можно лишь при наличии высокоразвитого ювелирного производства, поскольку моделирование, отливка и чистовая доводка пуансонов, необходимых для тиснения листового металла — процесс более сложный, нежели сам акт оттиска (см. Минасян 1988: 51). Традиционно считается, что бляшки из кургана Орловец (рис. VII: 3) полностью аналогичны жаботинским (Ильинская 1975: 151), однако это не совсем так: орловецкие экземпляры меньших размеров, не имеют дырочек для пришивания, а качество оттиска значительно хуже. Возможно, для их изготовления использовался стертый от употребления пуансон, и назначение их, вероятно, иное.

Основным иконографическим признаком изображений копытных животных на бляшках является повернутая назад голова с выступающим над контуром головы большим глазом (рис. VII: 1–2), что является характерным признаком наиболее архаичных изображений животных в скифском зверином стиле. Передача глаза выпуклым кружком с отверстием в центре, выступающим над контуром головы — прием, характерный в большей степени для стилистики аржана-майэмирского этапа и зафиксированный уже на наиболее ранних петроглифах, оленем камне из Аржана-1, оленных камнях, переиспользованных при сооружении Аржана-2 (Чугунов 2008: 64). Копытные с таким же выступающим над контуром головы глазом и повернутой назад головой изображены на уздечных украшениях и пластинах из кург. 2 у с. Жаботин (рис. VII: 4, 6), на пластине из погребения у г. Константиновск-на-Дону, выполненной из рога (рис. VII: 8). Изображение длинноухого копытного с повернутой назад головой имеется и на роговом орнаментированном скипетре-топоре из кург. 3 могильника Дыш IV в Адыгее, муфтообразный выступ у втулки которого оформлен изображением ромбовидного знака (Андреева и др. 2012: 154). Уже отмечалось, что гравированное изображение оленя на бронзовом зеркале из кург. 21 могильника Уйгарак (рис. VII: 5) имеет весьма близкое сходство с изображениями на уздечных украшениях из кург. 2 у с. Жаботин (см. Ильинская 1975: 158) и, соответственно, с изображениями животных на золотых бляшках из кург. 524. На кнопке зеркала из кург. 18 могильника Нартан изображен горный козел

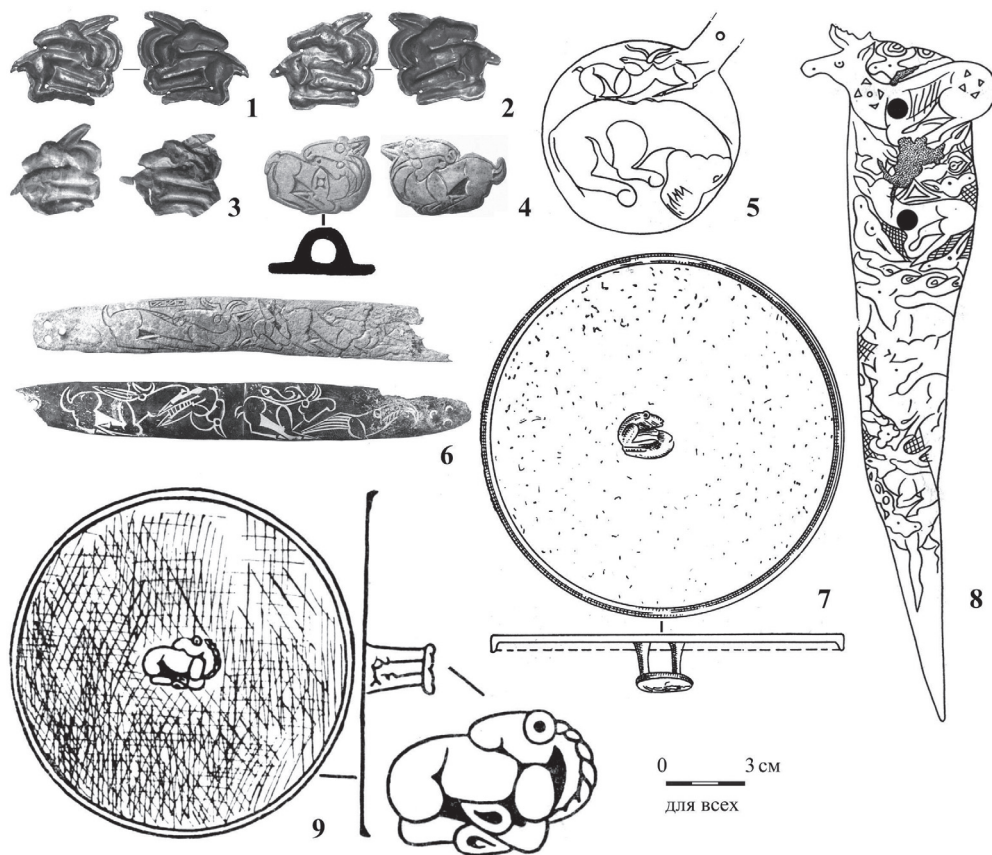

Рис. VII. Предметы, декорированные в скифо-сибирском зверином стиле. 1 — Жаботин, курган 524 (кат. 44; ГЭ, инв. 1912/2-30); 2 — Жаботин, курган 524 (кат. 44; ГЭ, инв. 1912/2-31); 3 — курган у с. Орловец/Теклино, курган 346); 4, 6 — курган 2 у с. Жаботин; 5 — Уйгарак, курган 21 (деталь); 7 — Герасимовка, курган 1; 8 — погребение у г. Константиновск-на-Дону; 9 — Нартан, курган 18 (3 — по Бобринской 1901: табл. VI: 1, 3; 4, 6 — по Древности Приднестровья 1900: табл. LXI: 539–540; 5 — по Вишневская 1973: табл. VII: 4; 7 — по Ильинская 1968: табл. XLV: 1; 8 — по Кияшко, Коренько 1976: рис. 3; 9 — по Батчаев 1985: табл. 45: 37).

Fig. VII. Objects decorated in Scythian-Siberian animal style. 1 — Zhabotin, barrow 524 (cat. 44; State Hermitage, inv. 1912/2-30); 2 — Zhabotin, barrow 524 (cat. 44; State Hermitage, inv. 1912/2-31); 3 — barrow near the village of Orlovets/Teklino, barrow 346); 4, 6 — barrow 2 near Zhabotin; 5 — Uigarak, barrow 21 (detail); 7 — Gherasimovka, barrow 1; 8 — burial near Konstantinovsk-upon-Don; 9 — Nartan, barrow 18 (3 — after Бобринской 1901: table VI: 1, 3; 4, 6 — after Древности Приднестровья 1900: table LXI: 539–540; 5 — after Вишневская 1973: table VII: 4; 7 — after Ильинская 1968: table XLV: 1; 8 — after Кияшко, Коренько 1976: fig. 3; 9 — after Батчаев 1985: table 45: 37).

с повернутой назад головой — такой же, как и на кнопке зеркала из кург. 1 у с. Герасимовка (рис. VII: 7, 9): в обоих случаях глаз выступает над контуром головы. По мнению Т. Б. Барцевой, исследовавшей состав цветного металла из могильника Нартан, зеркало из кург. 18 отлито из металла, характерного для востока Евразии (Батчаев 1985: 122). Таким образом, такие стилистические особенности, как передача глаза выпуклым кружком с отверстием в центре,

равно как и повернутая назад голова животного, по всей вероятности, своим происхождением связаны с центральноазиатским регионом.

Керамические сосуды (кат. 47–50). В комплекс кург. 524 у с. Жаботин входит 4 керамических сосуда — весьма представительный набор, который время от времени привлекал внимание исследователей, однако подробно не анализировался. Так, В. А. Ильинская, впервые опубликовавшая рисунки сосудов, но, к сожалению, с неточностями (Ильинская 1975: табл. VII: 12, 17–19), описала их наряду со всей остальной керамикой Правобережья (Там же: 20). Исследовательница отметила, что появление мелких черпаков с радиальным орнаментом, характеризующим изменение формы и системы орнаментации, наблюдается с конца VII — рубежа VII/VI вв. до н. э.; в описании кубка обратила внимание на то, что орнамент составлен из заштрихованных лент, образующих чередующиеся вершинами в разные стороны треугольники, штриховка состоит из косых линий и линий со «щеточкой»; применительно к «корчажке» написала, что орнаментальный пояс заполнен слегка наклонными каннелюрами, что, несомненно, восходит к традиции культур гальштаттского круга (Там же: 122, 128, 135). М. Н. Дараган, вновь обратившаяся к керамическому материалу кург. 524, рассмотрела его суммарно и, не углубляясь в детали, определила, что орнаментация черпаков имеет прямые соответствия в комплексах горизонтов Жаботин II–III Жаботинского поселения. Это явилось одним из оснований синхронизации кургана с началом горизонта Жаботин III и датирования его временем не позднее конца VIII в. до н. э. (Дараган 2011: 571–572). При этом ею были отмечены выступы-налепы на корчажке и приведен перечень памятников с аналогичными сосудами: группы Даль и Мезочат-Фюзешабонь, погребения могильника Батина, горизонт III поселения Бабадаг, городище Глинжень II. Представляется, что тщательное изучение морфологических и декоративных особенностей сосудов этого комплекса, а также выявление круга их аналогий, позволит точнее определить место этого комплекса на шкале относительной хронологии.⁵

Черпак с высокой ручкой (кат. 47). По морфологическим признакам он сближается с черпаками типа 2 варианта А, выделенного М. Н. Дараган (2011: 531) по материалам Жаботинского поселения и маркирующего горизонт Жаботин II. Для этих черпаков характерна мелкая чашечка с высокой, круглой в сечении петельчатой ручкой и роговидным или пальцевидным отростком, орнаментация может быть линейной, радиальной и реже каннелированной (Там же: 403, рис. IV.4: 20–22). Черпак из кург. 524 у с. Жаботин отличается тем, что его ручка в сечении овальная, а не круглая, как у черпаков типа 2, а ее отросток имеет расплющенный верх (гвоздевидный выступ-упор на перегибе ручки), что, по М. Н. Дараган (2011: 531), является признаками черпаков типа 1, характерными для горизонта Жаботин I. По форме чашечки и ручки аналогиями, обнаруженными на поселении Жаботин, являются: черпак (жилище 1, раскоп 15/1957), ручка черпака (яма 1, раскоп 17/1958) и обломок черпака (раскоп 18/1958) (Там же: табл. 136: 10; 149: 9; 161: 12). Расположение орнаментального

⁵ Выношу искреннюю признательность М. Т. Кашубе, И. Б. Шрамко и С. Н. Задникову за консультации в вопросах, связанных с определением керамического материала кургана 524 у с. Жаботин.

пояса рассматриваемого сосуда находит аналогии в узоре на черпаках из раскопа 18/1958 Жаботинского поселения (Там же: табл. 157: 5, 7, 10–11; 171: 2), а по морфологическим и орнаментальным признакам он близок с черпаком из кург. II у с. Рыжановка (Ильинская 1975: табл. XXII: 7). Таким образом, к архаичным признакам этого черпака следует относить уплощенную в сечении ручку с длинным гвоздевидным выступом-упором.

Черпак с радиальным орнаментом (кат. 49). У этого черпака чашечка несколько мельче, чем у описанного ранее, и по всем остальным параметрам (ручка не сохранилась) он может быть отнесен к типу 2 варианту А черпаков Жаботинского поселения. Радиальный орнамент в виде расходящихся от углубления в центре дна линий, образующих вписанные друг в друга треугольники, прочерчен, вершины треугольников обозначены точками. На Жаботинском поселении аналогичные неглубокие черпаки и их фрагменты обнаружены возле очага 1 (раскоп 9/1953) и в раскопе 14/1957 (Дараган 2011: табл. 61: 18–19; 98: 2, 4, 7). Черпаки с углублениями на вершинах треугольников известны и в материалах горизонта А1 Западного Бельского городища (Шрамко 2006: 35). Известно, что нанесение кольчатого штампа в углах геометрических фигур типично лишь для западного варианта культуры Козия-Сахарна (Дараган, Кашуба 2008: 57) и в данном контексте может означать влияние керамической традиции этой культуры, равно как и архаичность самого изображения. Сама композиция радиального орнамента, вероятно, восходит в целом к кругу гальштаттских культур и демонстрирует некое упрощение орнаментальной композиции сосудов восточно-альпийского гальштатта (Дараган 2011: рис. IV.32: 1, 8, 11).

Корчага (кат. 48). Отличительные признаки этой небольшой корчаги — сочетание пластического (небольшие овальные выступы-упоры в верхней части тулова) и каннелированного (косые каннелюры) орнамента. Орнаментальный пояс ограничен только сверху. Подобные небольшие сосуды представляют нечто среднее между кубком и корчагой (Ильинская 1975: 133). Прототипы небольших корчаг с округло-раздутым туловом представлены в белозерских, чернолесских и раннекочевнических памятниках, например, близкая по форме корчага с упорами на плечиках происходит из погребения у Петрово-Свистуново (Там же: 137, рис. 18: 2). Рассматриваемому экземпляру весьма близка по форме и орнаментации корчага из ритуального скопления 10 «зольника» раннегальштаттской (карпато-дунайской) культуры Сахарна городища Глинжень II с той лишь разницей, что у последней выступы-упоры выдавлены изнутри (Гольцева, Кашуба 1995: 21, табл. XXIV). В Приднепровье, судя по материалам Жаботинского поселения, орнаментация каннелюрами появляется в период Жаботин II, при этом важно отметить, что в основном — это узоры из косых и вертикальных каннелюр на мисках, реже на корчагах, кубках и черпаках (Дараган 2011: 572; рис. IV.43). Несколько близких по орнаментации фрагментов зафиксировано в материалах горизонта А2 Западного Бельского городища (Шрамко 2006: 40). Из кург. 490 у с. Турия происходит прекрасно залощенный каннелированный сосуд с налечами, напоминающий сосуды «фракийского гальштата» (Ильинская 1975: 52, табл. XXXII: 4). Из погр. 1 кург. 2 у с. Енджа происходит корчага с выступами-упорами, тулово которой орнаментировано такими же наклонными каннелюрами (Попов 1932: Обр. 96), чернолощенная каннелированная корчага известна в погр. 3 могильника Фюзешабонь-Эрёгдомб

(Махортых 2003: рис. 56: 14). Таким образом, этот, безусловно, архаичный сосуд, вероятно, относится к числу престижных импортов из ареала среднегалльштаттской (карпато-дунайской) культуры Басарабь-Шолдэнешть.

Кубок (кат. 50). Пропорции кубка и его орнамент отличаются от того, как он был опубликован (Ильинская 1975: табл. VII: 18). Удалось установить, что от него сохранился фрагмент дна с небольшим углублением в центре. Он относится к группе широко известных в Приднепровье сосудов с округло-выпуклым туловом и округлым дном, появившихся еще в белогородовское время, бытующих в чернолесской культуре и получивших широкое распространение на начальном этапе скифского периода (Тереножкин 1961: 78). Орнаментация жаботинского кубка в виде заштрихованных полос, образующих треугольники, направленные вершинами в противоположные стороны, и ограниченных врезными линиями сверху и снизу, весьма распространена в курганных и поселенческих комплексах: поселение Жаботин (раскоп 15/1957, наземное жилище; раскоп 16/1958, землянка; раскоп 18/1958, яма 2 — см. Дараган 2011: табл. 114; 129: 1; 171: 25); кург. 111, 126, 183, 229 Тенетинка, кург. 15 Константиновка (Ильинская 1975: табл. XXVI: 6; XXVII: 6; XXIX: 8; XXXI: 11; XVI: 4), — кроме того, все вышеперечисленные кубки из курганных погребений близки жаботинскому кубку и по форме. По рисункам трудно судить об особенностях нанесения орнамента, но ознакомление с материалами кург. 375 и 376 у с. Константиновка, у с. Орловец, погр. 1 кург. 1 у с. Ольшана⁶ показало полную идентичность его нанесения: орнаментальные полосы заполнены «щеточкой», что согласно М. Н. Дараган (2011: 533), характерно для орнаментации горизонта Жаботин II.

Таким образом, в погребение были помещены высококачественные и престижные сосуды, большая часть из которых была изготовлена поблизости (вероятно даже на Жаботинском поселении, учитывая наличие большого количества аналогий), а небольшая корчага, как и бронзовый орнаментированный сосуд, может являться предметом импорта.

Заключение

Детальный анализ изделий, входящих в состав хрестоматийного комплекса кург. 524 у с. Жаботин, позволил обосновать и конкретизировать положения, выдвинутые ранее другими исследователями, а в ряде случаев привел к новым неожиданным результатам. Необходимо подчеркнуть следующие обстоятельства:

1. Многокомпонентный характер комплекса: в него вошли предметы, характерные для различных культур предскифского периода (новочеркасской, кобанской, протомеотской и круга галльштаттских (карпато-дунайских) памятников). Эта многокомпонентность демонстрирует главную особенность периода РСК-1, для которого характерно сочетание предметов новочеркасского и раннескифского облика, что свидетельствует о полном или частичном сосуществовании новочеркасской и раннескифской культурных традиций (Алексеев 2003: 152; Эрлих 2007: 180);

⁶ Выражаю искреннюю благодарность коллегам из Музея национальной истории Украины О. А. Пуклиной и С. В. Диденко за возможность работать с коллекциями.

2. Комплекс демонстрирует наличие более тесной связи с кругом культур Северного Причерноморья и Предкавказья, нежели с кругом культур Центральной Азии, при наличии как собственно центральноазиатских вещей или их реплик, так и предметов, генезис которых, безусловно, связан с восточными регионами. Так, в жаботинском комплексе к азиатским вещам можно отнести костяной наконечник стрелы и бронзовый наконечник с утяжеленной головкой; безусловно, восходит к евразийской изобразительной традиции мотив копытного с повернутой назад головой и выступающим над ее контуром глазом. Сам колчаный набор комплекса демонстрирует трансформацию центральноазиатских форм и приспособление их к изменившимся условиям ведения военных действий. Интересно, что центральноазиатские традиции в переработанном виде дольше всего сохранялись в сфере, связанной с идеологией: навершия, зеркала, использование для декора изображений в зверином стиле и ромбовидных знаков;

3. Курган 524 у с. Жаботин по составляющим компонентам инвентарного набора может быть отнесен к тому же хронологическому пласту, к которому относятся такие широко известные памятники, как погр. 1 кург. 2 у с. Енджа; курган у с. Белоградца; курган у с. Ольшана; курган у с. Квитки; курганы 375 и 15 у с. Константиновка; погр. 1 кург. 4 могильника Холмский; кург. 1 и 2 могильника Хаджох I; кург. 1 могильника Уашхиту I; курган у хутора Алексеевский; кург. 9 могильника Красное Знамя; кург. 41 могильника Клады; погр. 4 могильника Индустрия 1; погребение у восточного подножия г. Бештау (Козьи Скалы); погр. 27 могильника Самтавро; погребения у Имирлера, в Норшунтепе и др.⁷ Материалы этого хронологического пласта представлены и в поселенческих памятниках: в горизонте Жаботин II Жаботинского поселения, горизонте А2 Западного Бельского городища, нижних слоях Дербентской крепости, в слоях Богазкея, Тарса, Каман-Кале Хоюка. Часть перечисленных памятников, в соответствии с хронологической схемой Коссака — Медведской, относится к этапу РСК-1 (Медведская 1992: 88–89), даты которого определены в границах середины — 2-й половины VIII в. до н. э. Обоснованное внесение в перечень памятников горизонта тех, что традиционно датировались более ранним временем (Енджа, Белоградца, Ольшана и др.) (Дараган 2001: 560) позволяет определить время сооружения кургана 524 у с. Жаботин ближе к середине VIII в. до н. э. Это дает возможность несколько иначе взглянуть на материальную культуру РСК-1, которая являлась, по сути, северопричерноморской переработкой предметов вооружения и узды, появившихся в Причерноморье вместе с приходом групп кочевого населения из центральноазиатского региона;

4. Переработка форм предметов вооружения и узды происходила, в первую очередь, в регионах Северо-Западного Кавказа и Предкавказья на местной материально-технической базе; при этом необходимо учитывать давние и тесные связи как с кобанской культурой, так и культурами Карпато-Дунайского региона (Эрлих 2007: 188). Она была обусловлена, с одной стороны, влиянием местных

⁷ Старшие курганы Келермеса в данный перечень не включены намеренно, так как вопросы их датирования являются дискуссионными (Маслов 2012: 342–360; Алексеев, Рябкова 2013: 13–18).

традиций, а с другой, — необходимостью адаптации вооружения к менявшимся условиям ведения военных операций;

5. Именно на этом этапе и произошло проникновение кочевых группировок в Закавказье и Малую Азию, археологическим свидетельством чего являются находки артефактов, относящихся к этапу РСК-1, в Малой Азии, где киммерийское присутствие засвидетельствовано данными письменных источников.

Каталог

Объяснение к каталогу

Каталог включает в себя инвентарные номера и описания вещей. На таблицах с рисунками вещей указаны каталожные номера. Сведения об аналогиях и датировках помещены в исследовательской части статьи. В рубрике «литература» дается ссылка на первую и последнюю публикации. Пропуск этой рубрики означает, что предмет публикуется впервые. Определение техники изготовления предметов выполнено Р. С. Минасяном и Е. А. Шаблавиной.

1–17. Наконечники стрел двухлопастные. Бронза. Длина 5,0–5,1 см. Инв. № Дн 1913 2/19. Табл. 1. Перо симметрично-ромбической формы, максимальная ширина пера достигает 1,2–1,4 см, втулка составляет 1/3 длины наконечника, плавно изогнутый длинный шип прикреплен в верхней части втулки. У двух экземпляров обломана втулка, у 14 — шипы сохранились частично, в тех случаях, когда шип сохранился, длина его достигает 1,9 см, превышая длину втулки.

Лит.: Бобринской 1916: 2, рис. 4, опись 10; Рябкова 2012: 347, рис. 1: 1–16, 25.

18. Наконечник стрелы двухлопастной. Бронза. Длина 4,6 см. Инв. № Дн 1913 2/19. Табл. 1. Перо асимметрично-ромбической формы, максимальная ширина пера 1,2 см, длина втулки 1,5 см, плавно изогнутый шип (1,3 см) прикреплен в верхней части втулки.

Лит.: Бобринской 1916: 2, опись 10; Рябкова 2012: 347, рис. 1: 20.

19–21. Наконечники стрел двухлопастные. Бронза. Длина 4,5 см. Инв. № Дн 1913 2/19. Табл. 2. Перо симметрично-ромбической формы, максимальная ширина пера 1,2 см, втулка составляет 1/4 длины наконечника, шип прикреплен в средней части втулки.

Лит.: Бобринской 1916: 2, рис. 4, опись 10; Рябкова 2012: 347, рис. 1: 17–18, 24.

22. Наконечник стрелы двухлопастной. Бронза. Длина 4,1 см. Инв. № Дн 1913 2/19. Табл. 2. Перо листовидной формы, максимальная ширина пера 1,2 см, небольшой шип прикреплен в верхней части втулки.

Лит.: Бобринской 1916: 2, опись 10; Рябкова 2012: 347, рис. 1: 19.

23. Наконечник стрелы двухлопастной. Бронза. Длина 4 см. Инв. № Дн 1913 2/18. Табл. 2. Перо симметрично-ромбической формы с утяжеленной головкой, максимальная ширина пера 1,2 см. Длина втулки составляет 1/4 от длины наконечника, обломанный шип прикреплен в верхней части втулки.

Лит.: Бобринской 1916: 2, рис. 4, опись 10; Рябкова 2012: 347, рис. 1: 30.

24–26. Наконечники стрел двухлопастные. Бронза. Длина 4,2–4,8 см. Инв. № Дн 1913 2/17. Табл. 2. Перо асимметрично-ромбической формы, максимальная ширина пера 1,3 см. Длина втулки составляет 1/3 от длины наконечника, шип отсутствует.

Лит.: Бобринской 1916: 2, рис. 4, опись 10; Рябкова 2012: 347, рис. 1: 27–29.

27–29. Наконечники стрел двухлопастные. Бронза. Длина 4,3–4,5 см. Инв. № 1913 2/19. Табл. 2. Перо асимметрично-ромбической формы, максимальная ширина пера 1,2 см. Длина втулки составляет 1/5 от длины наконечника, шип прикреплен в верхней части втулки.

Лит.: Бобринской 1916: 2, опись 10; Рябкова 2012: 347, рис. 1: 21–23.

30. Обломок наконечника стрелы двухлопастного. Бронза. Длина 3 см. Инв. № Дн 1913 2/19. Табл. 2.

Лит.: Бобринской 1916: 2, опись 10; Рябкова 2012: 347, рис. 1: 26.

31. Наконечник стрелы пулевидный. Кость. Длина 4,4 см, диаметр 1,1 см. Инв. № Дн 1913 2/7. Табл. 2. Фрагментирован.

Лит.: Дараган 2011: 564; Рябкова 2012: 347, рис. 1: 31.

32. Обломок предмета. Бронза. Длина 3,7 см. Инв. № Дн 19013 2/4. Табл. 2.

33. Обломок предмета. Дерево. Длина 1,6 см. Инв. № Дн 19013 2/9. Табл. 2.

34. Часть предмета. Кожа. Размеры 4 × 1,8 см. Инв. № Дн 19013 2/9. Табл. 2. Сохранились два параллельных шва, выполненные в технике «вперед иголку». Стежки расположены в шахматном порядке. Выполнены сухожильной нитью, свитой левой круткой из двух сухожильных нитей, каждая из которых свита правой круткой. Стежки находятся в слое мездры и не выходят на поверхность кожи с обратной стороны.¹

Лит.: Бобринской 1916: 2, опись 9.

35. Навершие булавы. Диабаз. Диаметр по центру 6,4 см, высота 4,2 см, диаметры на концах канала отверстия для рукояти 1,4 см и 0,9 см. Инв. № Дн 1913 2/1. Табл. 3. Навершие булавы неправильной сферической (сжато с полюсов) формы, максимальная ширина смещена к одному из отверстий канала для рукояти. Канал для рукояти двустороннего сверления, в продольном сечении конусовидный.

Лит.: Бобринской 1916: 2, рис. 1, опись 1; Дараган 2011: 572.

36. Часть лезвия меча. Железо. Длина 12,2 см, максимальная ширина 3,8 см. Инв. № Дн 1913 2/2. Табл. 3. Обломок нижней части клинка с обеих сторон имеет следы дерева от ножен.

Лит.: Бобринской 1916: 2, опись 9; Ильинская 1975: 20.

37. Нож. Железо. Длина 14 см, максимальная ширина лезвия 1,7 см. Инв. № Дн 1913 2/3, 5. Табл. 3. Фрагментированный черешковый нож, клинок с прямым лезвием и слегка изогнутой спинкой, черешок короткий и плоский.

Лит.: Бобринской 1916: 2, опись 9; Ильинская, Тереножкин 1983: 234, рис. на с. 237.

38. Нож. Железо. Длина 6,7 см, максимальная ширина лезвия 1,7 см. Инв. № Дн 1913 2/11. Табл. 3. Обломок ножа черешкового, клинок с прямым выкрошившимся лезвием и изогнутой спинкой, черешок короткий и плоский, обломан.

Лит.: Бобринской 1916: 2, опись 9.

39 а–в. Обломки предметов. Железо. Длина 2,8 см, 3,5 см и 4,3 см. Инв. № Дн 1913 2/11. Табл. 3.

Лит.: Бобринской 1916: 2, опись 9.

¹ Определения нитей и способа прошивки кожаного изделия выполнены с. н. с. лаборатории научно-технической экспертизы ГЭ Е. А. Миколайчук.

40. Фрагмент втулки(?). Железо. Длина 7,2 см, максимальная ширина 2,6 см. Инв. № Дн 1913 2/10. Табл. 3. Сохранилась верхняя часть втулки(?), в отверстии видны отпечатки деревянного стержня, металл полностью ошлакован.

41. Чешуйки панцирные. Бронза, железо (одна чешуйка). Размеры 1,6...2,3 × 1,1...2,0 см. Инв. № Дн 1912 2/20. Табл. 4. Продолговатые пластины с прямоугольным верхним, закругленным нижним краями и двумя отверстиями вдоль верхнего края (600 чешуек и обломков), многие фрагментированы. У одной чешуйки семь рельефных точек вдоль нижнего края, сделанных пуансоном. Еще у одной — отверстие ниже дырочек для пришивания, у железной чешуйки дополнительное отверстие вдоль длинной стороны. В соответствии с размерами выделено семь групп: 1) длина 2,3 см, ширина 2,0 см; 2) 2,1 × 1,7 см; 3) 2,1 × 1,4 см; 4) 2,1 × 1,1 см; 5) 1,9 × 1,6 см; 6) 1,9 × 1,4 см; 7) 1,5 × 1,2 см. При изготовлении чешуек прокованный лист бронзы разрубался на узкие полосы, ширина которых равна ширине панцирных чешуек; полоса рубилась на прямоугольники, после чего при помощи рубящего инструмента закруглялся один из краев (на некоторых чешуйках видны следы подобной обработки в виде не сточенных до конца острых выступов), после чего край подтачивали абразивным инструментом для придания правильной округлой формы. Острым инструментом в нескольких чешуйках, сложенных пачкой, пробивались отверстия для прикрепления к основе. Вогнутость нижнего края обеспечивалась последующей проковкой края пластины молотком на небольшой наковальне. Чешуйки из железа изготавливались из незакаленного металла, как более простого в обработке, и закаливались уже после изготовления.

Лит.: Бобринской 1916: 2, опись 9; Рябкова 2010б: 90, ил. 1: 1.

42. Пластины панцирные. Бронза. Длина 2–6,5 см, ширина 2,0–2,2 см. Инв. № Дн 1912 2/13–16. Табл. 4. Пластины в обломках (6 экз.), прямой край имеет отверстия для крепления, а противоположный орнаментирован ромбами. Ромбы, образующие зубчатые выступы на нижнем крае пластин, выполнены в технике чеканки с изнаночной стороны металлическим инструментом с тонким заостренным плоским лезвием (типа стамески). Общая длина пластин составляет около 25 см.

Лит.: Черненко 1968: 71, рис. 31: 4; Рябкова 2010б: 90, ил. 1: 1.

43. Фрагменты орнаментированного клепаного сосуда. Бронза. Размеры от 0,8 до 5 см, 8 см. Инв. № Дн 1912 2/12, 21. Табл. 4. Три фрагмента орнаментированы наклонно расставленными ромбами, нанесенными в технике чеканки по лицевой стороне металлическим инструментом с тонким заостренным плоским лезвием (типа стамески). Четыре фрагмента орнаментированы прямыми гравированными линиями. Два неорнаментированных фрагмента с клепками сходятся в изломе; отдельно — единичная заклепка и фрагмент венчика или шейки сосуда.

Лит.: Рябкова 2009: 351–354, рис. 1–3; Дараган 2011: 572.

44. Псалии. Бронза. Длина 13 см, диаметр стержня 0,6 см. Инв. № Дн 1912 2/24–25. Табл. 5. Трехмуфтовые псалии, отлиты в технике утрачиваемой восковой модели. Короткий конец завершается ребристой шишечкой, длинный загнут. На длинном конце шишечка отсутствует, край имеет следы древнего спила. На боковых частях муфтообразных расширений изображения выпуклых

кружков, вписанных в ромб с вогнутыми сторонами (ромбовидный знак). Декор нанесен на восковую модель перед изготовлением формы для отливки.

Лит.: Бобринской 1916: 2, опись 3–4; Рябкова 2007: 131.

45. Удила. Бронза. Длина общая 19,4 см, длина одного звена 9,7 см. Инв. № Дн 1912 2/23. Табл. 5. Литые удила, состоят из двух подвижно скрепленных звеньев, внешние окончания стремечковидной формы с выступами на нижнем крае (подножке) находятся в одной плоскости. В центральной части подножки каждого звена сточенные в разной степени литники. Внутренние окончания округлой формы находятся в разных плоскостях. На одной стороне стержней (грызел) рельефный узор в виде выпуклого пояска, разделенного на прямоугольники, хорошо сохранившийся на одном стержне и значительно потертый на другом.

Лит.: Бобринской 1916: 2, опись 2; Рябкова 2005: 241.

46. Бляшки. Золото. Длина 4 см, высота 3,7 см. Инв. № Дн 1912 2/30–31. Табл. 5. Нашивные бляшки в виде лежащих копытных (лань?) с повернутой назад головой и длинными ушами, по краям — отверстия для крепления к основе. Выполнены в технике тиснения пуансоном на листовом золоте и вырезаны.

Лит.: Бобринской 1916: 2, рис. 2–3, опись 7–8; Дараган 2011: рис. II.22: 6.

47. Черпак с высокой ручкой. Глина. Диаметр по венчику 12 см, высота 12 см, высота чашечки 3,7 см. Инв. № Дн 1912 2/27. Табл. 6. Имеет короткий венчик с отогнутым наружу округленным краем, неглубокую чашечку, высокую петлевидную уплощенно-овальную в сечении ручку с гвоздевидным выступом-упором (длина 3 см) на перегибе. Украшен по тулову пояском прочерченного орнамента в виде двух полосок, пространство между которыми заполнено вертикальными полосами. Орнамент нанесен по подсушенной основе. Сероглиняный, нелощеный. Глиняное тесто тщательно отмученное, плотное, с небольшими примесями песка и шамота, обжиг равномерный, черепок в изломе темно-серый.

Лит.: Бобринской 1916: 2, опись 11–14; Дараган 2011: 571, рис. V.38: 2.

48. Обломки венчика и стенок корчаги. Глина. Диаметр по венчику 17 см, сохранившаяся высота нижней части 10 см. Инв. № Дн 1912 2/26. Табл. 6. Сохранились фрагменты нижней части корчаги и фрагменты венчика. Форма сосуда реконструируется как корчага с сильно отогнутым наружу венчиком с округленным краем, короткой (?) шейкой, шаровидным раздутым туловом, выделенной придонной частью, небольшим плоским дном. Шейка отделена от тулова горизонтальным нешироким вдавлением. В месте соединения шейки и тулова сохранился один небольшой полуовальный выступ-упор. Тулово орнаментировано широкими косыми каннелюрами. Внутренняя и внешняя поверхности темно-серого цвета, лощеные. Лощение качественное, с блеском. Глиняное тесто тщательно отмученное, плотное, с небольшими примесями песка и шамота, обжиг равномерный, черепок в изломе темно-серый.

Лит.: Бобринской 1916: 2, опись 11–14; Дараган 2011: 571, рис. II.22: 4.

49. Черпак. Глина. Диаметр по венчику 14,5 см, высота чашечки 4,3 см. Инв. № Дн 1912 2/28. Табл. 7. Имеет короткий венчик с отогнутым наружу слегка округленным краем, отделенным от тулова горизонтальной прочерченной полосой, неглубокую чашечку с округлым дном и округлым углублением (умбоном, диаметр 2,5 см) в центре. Ручка не сохранилась. Украшен по плечикам

и дну резным орнаментом в виде композиции из строенных линий, образующих вписанные друг в друга треугольники. На вершине каждого треугольника — небольшое точечное углубление. Центр композиции — умбон на дне. Линии затерты белой пастой, частично выкрошившейся. Внешняя и внутренняя поверхности лощеные, коричневого цвета. Лощение качественное, с блеском. Обжиг равномерный. Глиняное тесто тщательно отмученное, плотное, с незначительными включениями слюды.

Лит.: Бобринской 1916: 2, опись 11–14; Дараган 2011: 571, рис. V.38: 3.

50. Кубок. Глина. Диаметр по венчику 11 см, наибольший диаметр тулова 11 см, диаметр дна 4 см. Инв. № Дн 1912 2/26. Табл. 8. Сохранился во фрагментах. Сосуд S-овидного профиля с отогнутым наружу венчиком с округленным краем, цилиндрической шейкой, покатыми плечиками, округло-выпуклым туловом, уплощенным дном с округлым углублением (умбоном) в центре. В верхней части тулова украшен широким пояском резного геометрического орнамента из наклонных и заштрихованных полос. Полосы заштрихованы наклонными линиями и «щеточкой», образуют треугольники с вершинами, направленными в противоположные стороны. Линии затерты белой пастой, частично выкрошившейся. Внешняя и внутренняя поверхности лощеные, черного цвета. Лощение качественное, с блеском. Обжиг равномерный. Глиняное тесто тщательно отмученное, плотное, с незначительными включениями слюды, черепок в изломе темно-серый.

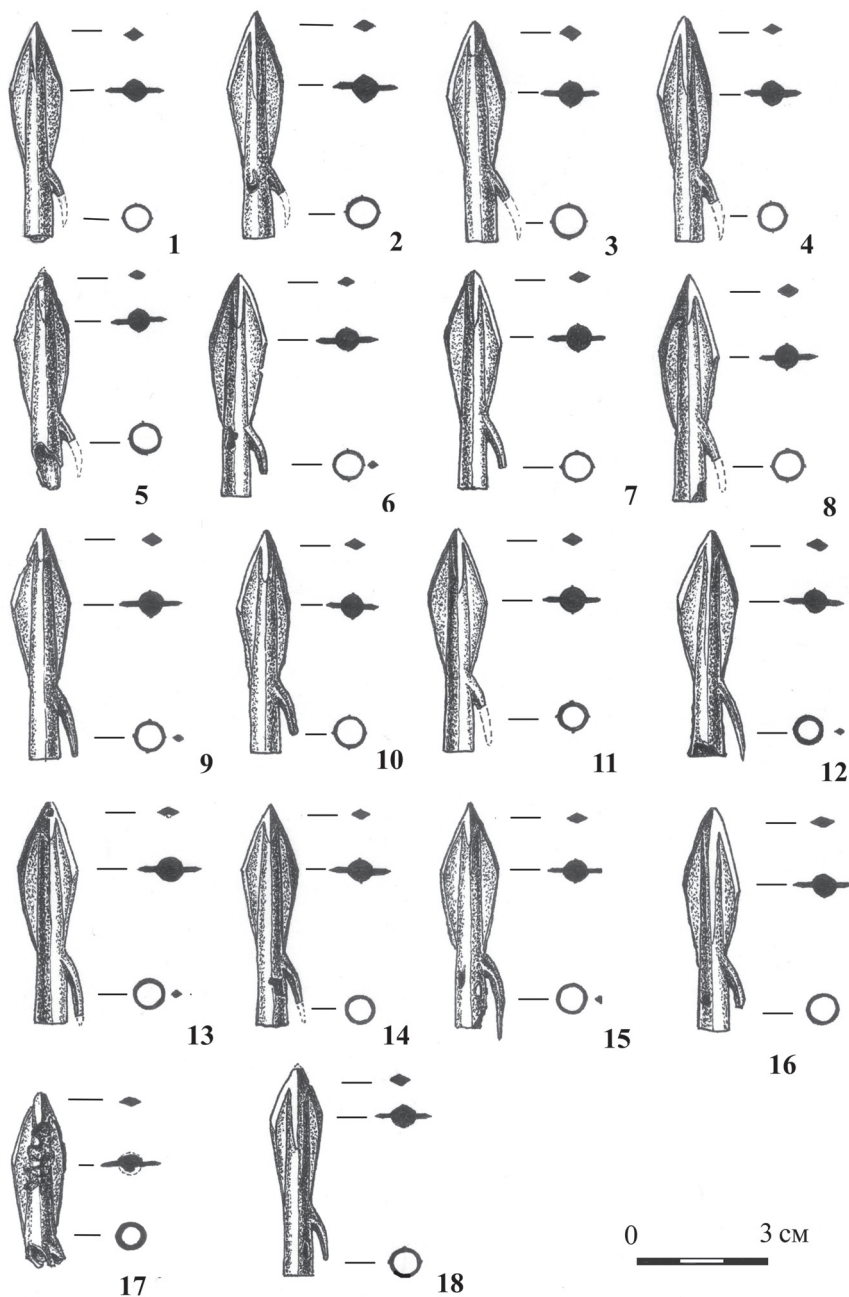

Табл. I. Курган 524 у с. Жаботин, предметы комплекса.

Tab. I. Inventory of Barrow No. 524 near the village of Zhabotin.

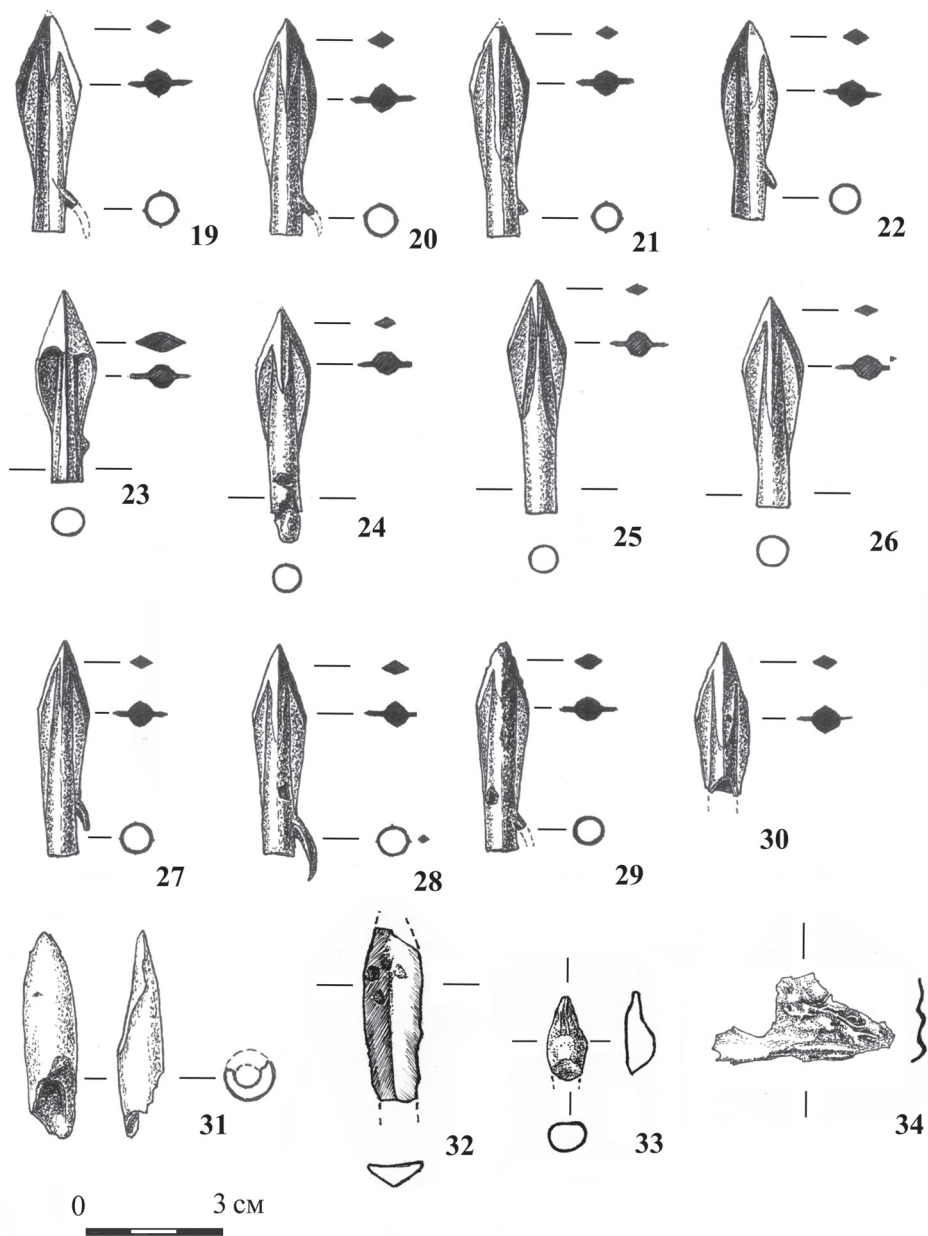

Табл. II. Курган 524 у с. Жаботин, предметы комплекса.

Tab. II. Inventory of Barrow No. 524 near the village of Zhabotin.

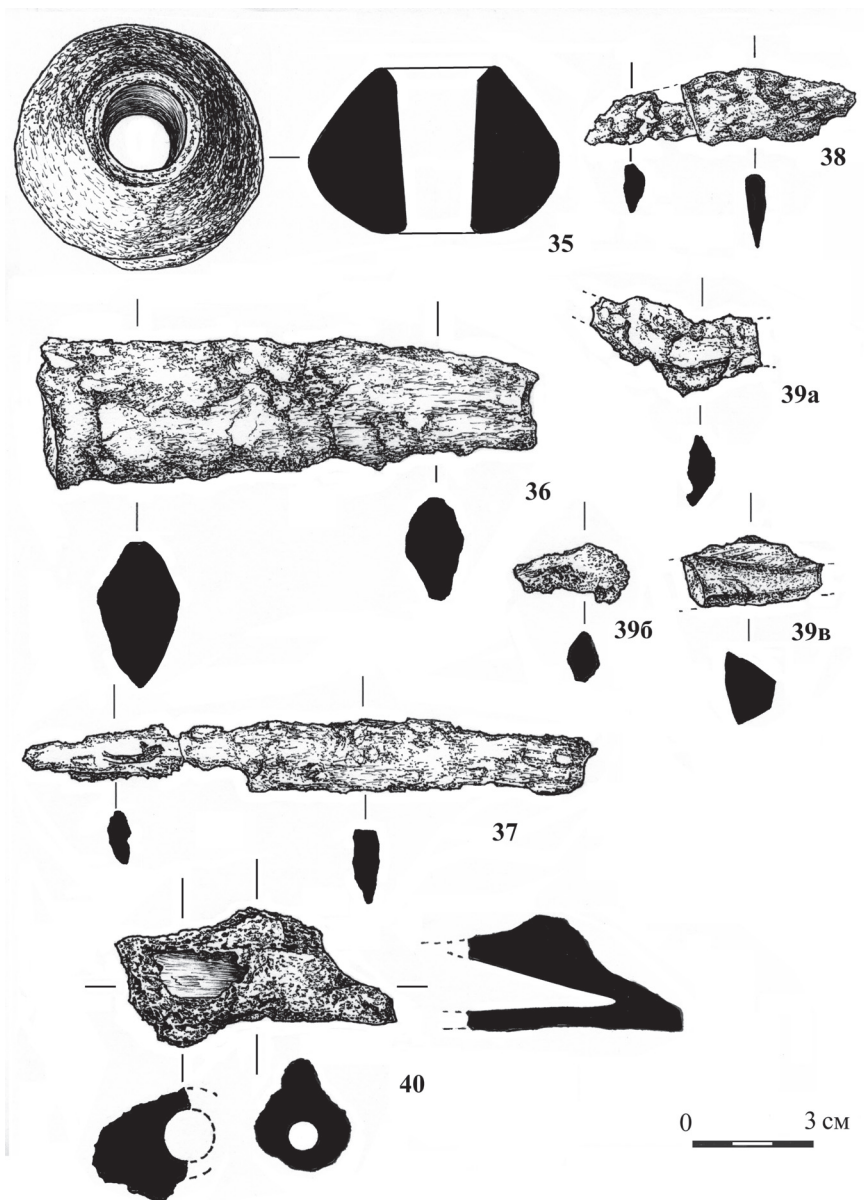

Табл. III. Курган 524 у с. Жаботин, предметы комплекса.

Tab. III. Inventory of Barrow No. 524 near the village of Zhabotin.

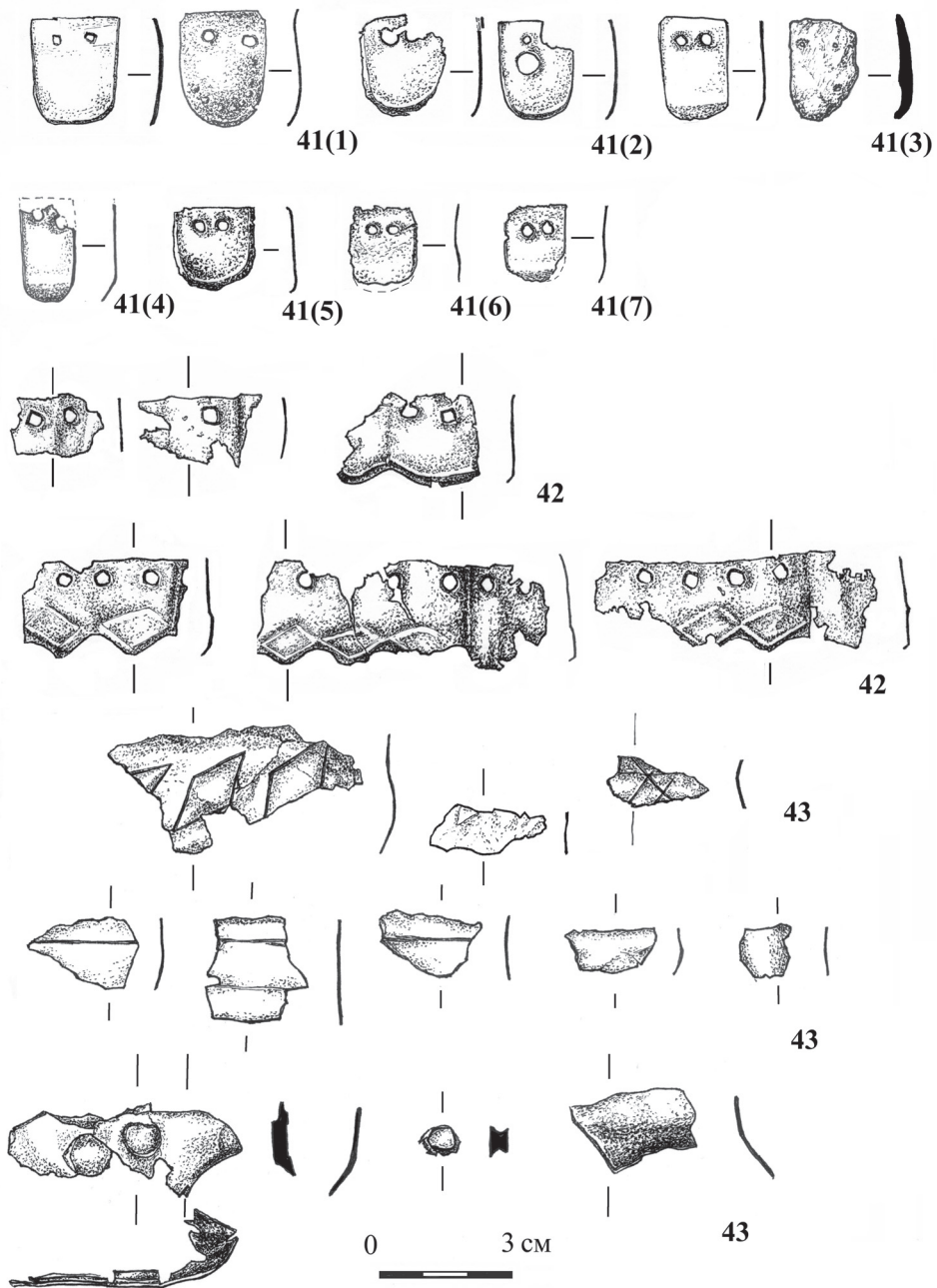

Табл. IV. Курган 524 у с. Жаботин, предметы комплекса.

Tab. IV. Inventory of Barrow No. 524 near the village of Zhabotin.

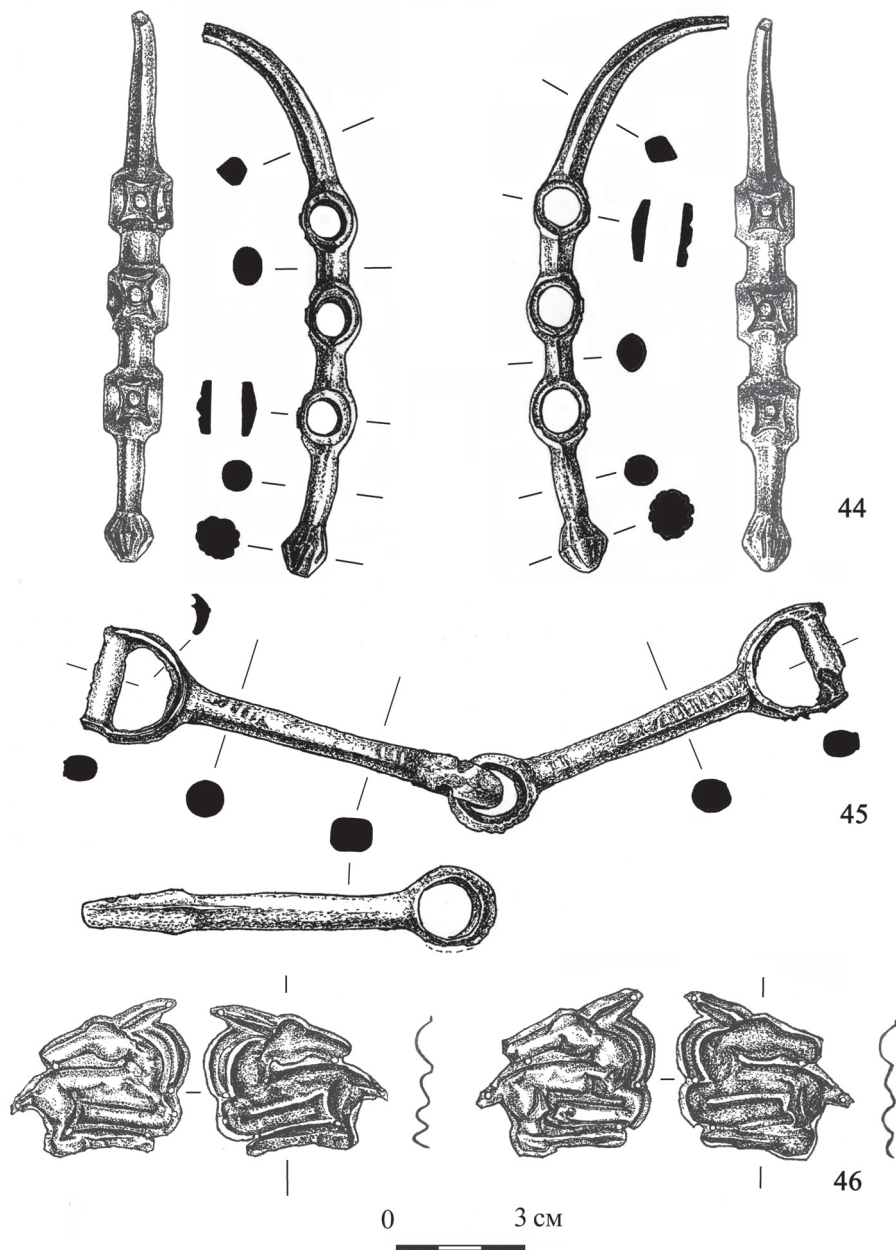

Табл. V. Курган 524 у с. Жаботин, предметы комплекса.

Tab. V. Inventory of Barrow No. 524 near the village of Zhabotin.

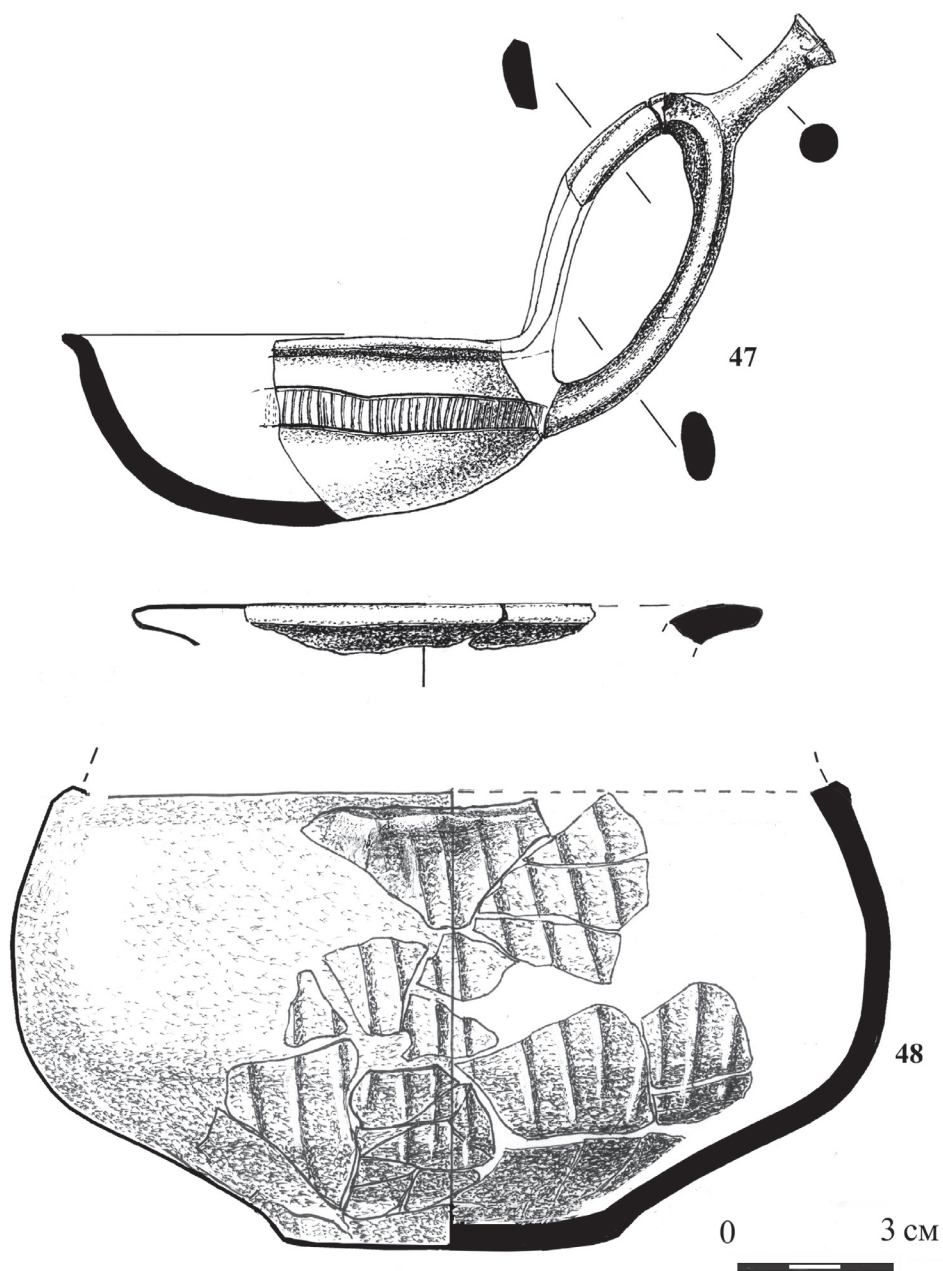

Табл. VI. Курган 524 у с. Жаботин, предметы комплекса.

Tab. VI. Inventory of Barrow No. 524 near the village of Zhabotin.

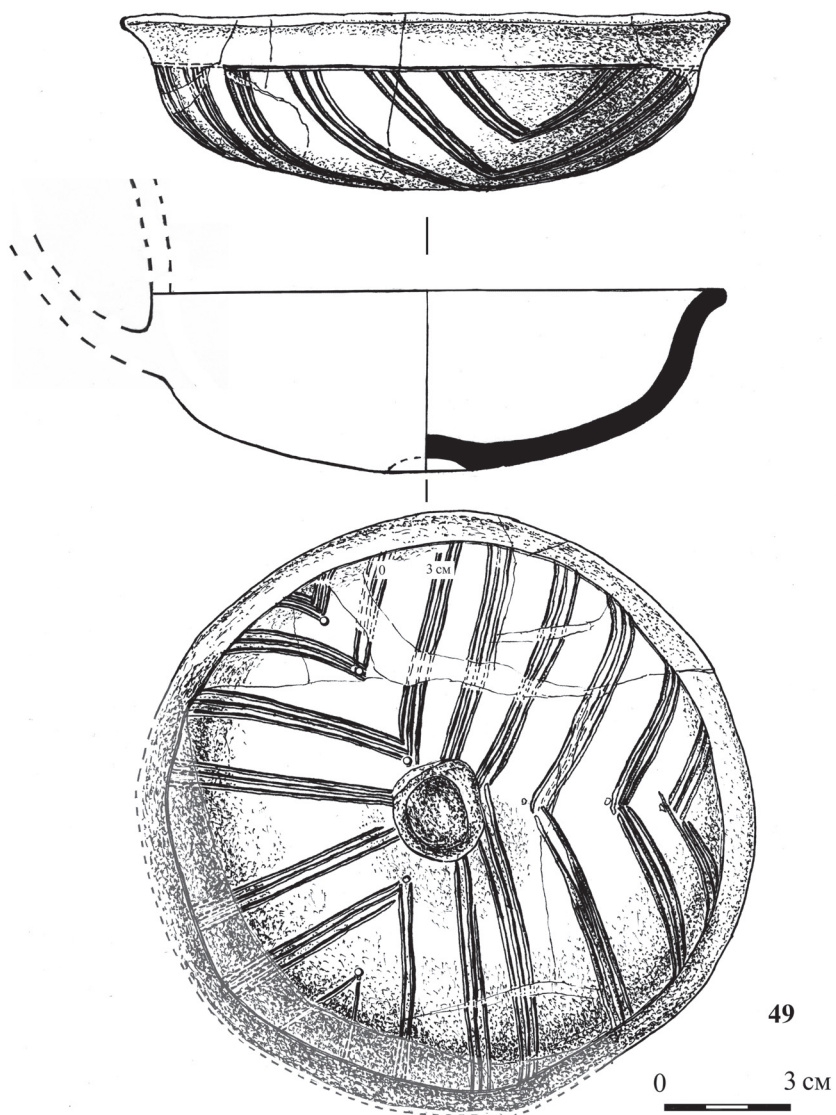

Табл. VII. Курган 524 у с. Жаботин, предметы комплекса.

Tab. VII. Inventory of Barrow No. 524 near the village of Zhabotin.

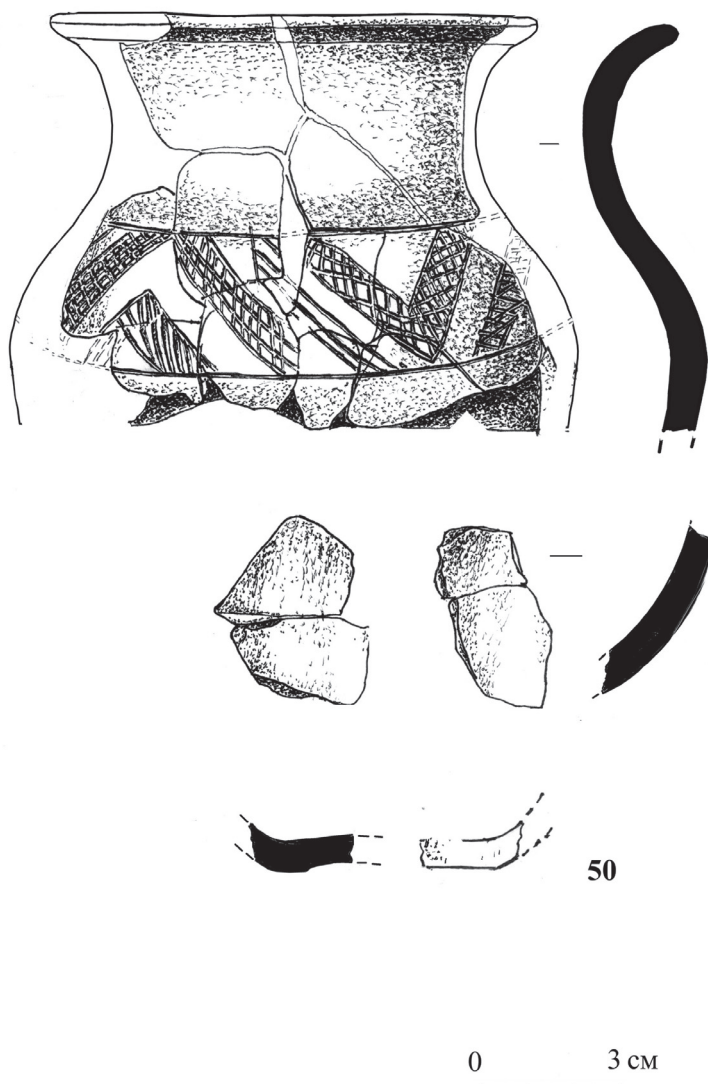

Табл. VIII. Курган 524 у с. Жаботин, предметы комплекса.

Tab. VIII. Inventory of Barrow No. 524 near the village of Zhabotin.

Литература

- Алексеев А. Ю. 2003. Хронография Европейской Скифии. СПб.: ГЭ.
- Алексеев А. Ю., Боковенко Н. А., Васильев С. С., Дергачев В. А., Зайцева Г. И., Ковалюх Н. Н., Кук Г., Плихт Й., Посснерт Г., Семенцов А. А., Скотт Е. М., Чугунов К. В. 2005. Евразия в скифскую эпоху. СПб.: Теза.
- Алексеев А. Ю., Рябкова Т. В. 2013. Относительная хронология скифских Келермесских курганов // Марченко И. И. (ред.). Шестая международная Кубанская археологическая конференция: мат-лы конф. Краснодар: Экоинвест, 13–18.
- Андреева М. В., Гей А. Н., Очиров Д. В., Успенский П. С. 2012. Дыш-IV — новый культово-погребальный памятник раннего железного века в Предкавказье (раскопки 2011 г. в республике Адыгея) // Гаджиев М. С. (ред.). Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. Махачкала: Мавраев, 154–155.
- Андриенко В. П. 2004. Об относительной хронологии наконечников стрел из Пожарной Балки (архаический период) // Донецкий археологический сборник 11, 118–129.
- Анфимов Н. В. 1961. Протомеотский могильник с Николаевского // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп: Адыгейское книжное изд-во, 103–126.
- Анфимов И. Н. 1989. Могильник протомеотской культуры у хут. Казазово // Анфимов Н. В. (ред.). Меоты — предки адыгов. Майкоп: Адыгблполиграфобъединение, 27–36.
- Батчаев В. М. 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Абрамова М. П., Козенкова В. И. (ред.). Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Батчаев В. М., Барцева Т. Б., Кеферов Б. М. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–VII вв. до н. э. — II в. н. э.). Нальчик: Эльбрус, 7–116.
- Березин Я. Б., Дударев С. Л. 1998. Могильник «Лермонтовская скала (у реки)» — памятник раннего железного века Пятигорья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа 1, 167–209.
- Бобринской А. А. 1901. Курганы и случайныя археологическія находки близ местечка Смылы. Т. III. СПб.: Типографія Главнаго Управленія Удѣлов.
- Бобринской А. А. 1916. Отчет о раскопках в Киевской губ. в 1913 г // Известия ИАК 60, 1–6.
- Вальчак С. Б., Пьянков А. В., Хачатурова Е. А., Эрлих В. Р. 2005. Новые материалы предскифского времени с южного берега Краснодарского водохранилища (из частной коллекции) // МИАК 5, 139–164.
- Вальчак С. Б., Дворниченко В. В. 2005. Некоторые находки эпохи раннего железного века из Астраханского Заволжья // Вопросы археологии Западного Казахстана 2, 82–86.
- Вальчак С. Б. 2009. Конское снаряжение в первой трети I тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М.: Таус.
- Василиненко Д. Э., Кондрашев А. В., Пьянков А. В. 1993. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья // Раев Б. А. (ред.). Древности Кубани и Черноморья. Краснодар: Скифская галерея, 21–38.
- Виноградов В. Б. 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во.

- Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П. 1980. Киммерийско-кавказские связи // Тереножкин А. И. (ред.). Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка, 184–200.
- Вишневская О. А. 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. М.: Наука.
- Вязьмитина М. И. 1963. Ранние памятники скифского звериного стиля // СА 2, 158–170.
- Галанина Л. К. 1977. Скифские древности Поднепровья. М.: Наука (САИ, вып. Д1-33).
- Галанина Л. К. 1997. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф.
- Гольцева Н. В., Кашуба М. Т. 1995. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (материалы раскопок 1978–79 гг. и 1989–90 гг.). Тирасполь: МАКО.
- Горелик М. В. 1993. Оружие древнего Востока. М.: Наука.
- Грязнов М. П. 1980. Аржан. Л.: Наука.
- Дараган М. Н. 2011. Начало раннего железного века в Днепровской правобережной лесостепи. Киев: КНТ.
- Дараган М., Кашуба М. 2008. Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения // РА IV (2), 40–73.
- Дараган М. Н., Подобед В. А. 2011. Финал горизонта Жаботин II. Хронология горизонта Жаботин III // Дараган М. Н. 2011. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. Киев: КНТ, 563–589.
- Древности Приднепровья. 1900. Вып. III. Киев: Типография Кульженко С. В.
- Дударев С. Л. 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками юго-восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир: Армавирское полиграфпредприятие.
- Дударев С. Л., Фоменко В. А. 2007. Новые данные о связях населения Кавминвод с внешним миром в VIII–VII вв. до н. э. // Копылов В. П. (ред.). Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Мат-лы конф. Ростов н/Д: Медиа-полис, 9–12.
- Есаян С. А. 1966. Оружие и военное дело древней Армении. Ереван: Изд-во АН Армян. ССР.
- Есаян С. А., Погребова М. Н. 1985. Скифские памятники Закавказья. М.: Наука.
- Иванчик А. И. 2001. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М.: Палеограф.
- Иессен А. А. 1953. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА XVIII, 49–110.
- Иессен А. А. 1962. Клад из селения Лухвано в Грузии // СГЭ XXII, 44–46.
- Іллінська В. А. 1973. Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів // Археологія 12, 13–26.
- Ильинская В. А. 1968. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев: Наукова думка.
- Ильинская В. А. 1975. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наукова думка.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И. 1983. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка.
- Итина М. А., Яблонский Л. Т. 1997. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН.
- Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. 1997. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та.

- Кияшко В. Я., Кореняко В. А. 1976. Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону // СА 1, 170–177.
- Клочко В. И., Скорый С. А. 1993. Курган № 15 біля Стеблева у Поросці // Археологія 2, 71–84.
- Ковпаненко Г. Т. 1981. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев: Наукова думка.
- Ковпаненко Г. Т., Гупало Н. Д. 1984. Погребение воина у с. Квитки в Поросье // Мурзин В. Ю. (ред.). Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наукова думка, 39–58.
- Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. 1989. Памятники скифской эпохи Днепроовского лесостепного правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев: Наукова думка.
- Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. 1994. Новые погребения раннего железного века в Поросье // Черненко Е. В. (ред.). Древности скифов. Киев: Наукова думка, 41–63.
- Ковпаненко Г. Т., Скорый С. С. 2003–2004. Ольшана: погребение предскифского времени в днепровской правобережной лесостепи // SP 3, 265–289.
- Козенкова В. И., Крупнов Е. И. 1966. Исследования Сержень-Юртовского поселения (по раскопкам 1964 г.) // КСИИМК 106, 81–87.
- Козенкова В. И. 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука (САИ. Вып. В2-5).
- Козенкова В. И. 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. М.: Наука (САИ. Вып. В2-5. Т. 4).
- Козенкова В. И. 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: ИА РАН.
- Козенкова В. И. 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.: Наука (САИ В2-5. Т. 5).
- Козенкова В. И. 2002. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы — раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня. М.: Памятники исторической мысли.
- Кореняко В. А., Лукьяшко С. И. 1982. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // СА 3, 149–165.
- Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. 2012. Каталог выставки. СПб.: Славия.
- Коробейников А. В., Митюков Н. В. 2007. Баллистика стрел по данным археологии: введение в проблемную область. Ижевск: Издательство НОУ КИТ.
- Крупнов Е. И. 1957. Первые итоги изучения восточного Предкавказья // СА 2, 154–174.
- Крупнов Е. И. 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР.
- Кудрявцев А. А. 1982. О новой хронологии древнего Дербента // СА 4, 165–186.
- Кызласов Л. Р., Маргулан А. Х. 1950. Плиточные ограды могильника Бегазы // КСИИМК XXXII, 126–136.
- Литвинский Б. А. 1972. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука.
- Луки и стрелы (компилятивное исследование) // <http://engineerd.narod.ru/index.htm>.
- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Изд-во Наука Казах. ССР.
- Марковин В. И. 2002. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-Су. Северо-Восточный Кавказ. М.: Наука.

- Мартirosян А. А. 1964. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: Изд-во АН Армян. ССР.
- Маслов В. Е. 2012. К проблеме хронологии древностей келермесского горизонта // РАЕ 2, 342–360.
- Махортых С. В. 2003. Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. Киев: Шлях.
- Махортых С. В. 2005. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев: Шлях.
- Медведская И. Н. 1992. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // СА 3, 86–103.
- Медведская И. Н. 2005. Сиалк V и Хасанлу IV: вопросы хронологии // Гуляев В. И. (ред.). Древности Евразии: от ранней бронзы до средневековья: Памяти В. С. Ольховского. М.: ИА РАН, 107–126.
- Мелюкова А. И. 1964. Вооружение скифов. М.: Наука (САИ. Вып. Д 1-4).
- Минасян Р. С. 1998. К вопросу о влиянии техники производства на происхождение некоторых особенностей скифо-сибирского звериного стиля // АСГЭ 29, 48–58.
- Могилон О. Д. 2008. Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський: ПП Мошинский В. С.
- Молодин В. И., Парцингер Г., Гаркуша Ю. Н., Шнеевайсс Й., Гришин А. Е., Новикова О. И., Чемякина М. А., Ефремова Н. С., Марченко Ж. В., Овчаренко Е. П., Рыбина Е. В., Мильникова Л. Н., Васильев С. К., Бенекс Н., Майнштейн А. К., Дядьков П. Г., Кулик Н. А. 2004. Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 2. Новосибирск; Берлин: ИАЭТ СО РАН.
- Петренко В. Г. 2006. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. Москва, Берлин, Бордо: Палеограф.
- Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р. 2000. Хронология центральной группы могильников Новозаведенное-II // Гуляев В. И., Ольховский В. С. (ред.). Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология М.: ИА РАН; Старый сад, 238–248.
- Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р. 2004. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация) // Мунчаев Р. М. (ред.). Археологические памятники раннего железного века Юга России. М.: Гриф и К°, 179–210.
- Пиотровский Б. Б. 1950. Кармир-Блур. Т. I. Ереван: Изд-во АН Армян. ССР.
- Пиотровский Б. Б. 1952–1954. Альбом рисунков № 4 «Кармир-Блур, 1952–1954 гг.» // Архив ГЭ, ф. 60.
- Покровская Е. Ф. 1973. Предскифское поселение у с. Жаботин // СА 4, 169–188.
- Полін С. В. 1987. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія 59, 17–36.
- Попов Р. 1932. Могилните гробове при с. Ендже // Известия на Българския археологически институт. Т. VI (1930–1931). София: Държавна печатница, 89–116.
- Пьянков А. В., Тарабанов В. А. 1997. Могильник протомеотского времени Казаво 3 и другие находки из чаши Краснодарского водохранилища // Материалы и исследования по археологии России 1, 62–70.
- Рябкова Т. В. 2005. Кургan 524 у с. Жаботин // Марченко И. И. (ред.). Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар: Типография ООО «Офсет-принт», 240–243.
- Рябкова Т. В. 2007. К вопросу о типологии и происхождении псалиев типов «Жаботин» и «Уашхиту» // Скорий С. А. (вид. ред.). Ранній залізний вік Євразії: до 100-річчя від дня народження Олексія Івановича Тереножкіна: Матеріали Міжнар. наук. конф. (16–19 травня 2007 р.). Київ; Чигирин: ІА НАНУ, 131–135.

- Рябкова Т. В.* 2009. Бронзовый сосуд из кургана 524 у с. Жаботин // Бессонова С. С. (ред.). Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С. А. Скорого. Киев; Полтава: ИА НАНУ, 351–354.
- Рябкова Т. В.* 2010а. Классификация изображений с ромбовидными знаками на предметах предскифского и раннескифского времени // Мужухоев М. Б. (ред.). Проблемы хронологии и периодизации археологических культур Северного Кавказа: Тезисы докладов. Магас: Пилигрим, 309–312.
- Рябкова Т. В.* 2010б. Чешуйчатые панцири раннескифского времени // АСГЭ 38, 87–106.
- Рябкова Т. В.* 2011. Изображения ромбовидных знаков как свидетельство миграций в эпоху ранних кочевников // Хабдулина М. К. (ред.). Маргулановские чтения–2011: Мат-лы междунар. археол. конф. Астана: Сарыарка, 104–109.
- Рябкова Т. В.* 2012. Колчанный набор из кургана 524 у с. Жаботин // Алексин В. А. и др. (ред.). Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося рос. археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 345–350.
- Сибилев Н. В.* 1926. Древности Изюмщины. Вып. 1. Изюм: Печатное дело.
- Скаков А. Ю.* 1997. К вопросу о эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров // Демиденко С. В., Журавлев Д. В. (ред.). Древности Евразии. М.: ГИМ, 70–88.
- Скорый С. А.* 2003. Скифы в Днепровской Правобережной лесостепи. Киев: ИА НАНУ.
- Смирнова Г. И.* 1993. Памятники среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры // СА 2, 101–118.
- Смирнова Г. И.* 1998. Скифское поселение на Немировском городище: общие данные о памятнике // МАИЭТ VI, 77–121.
- Тереножкин А. И.* 1961. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев: Наукова думка.
- Тереножкин А. И.* 1971. Дата мингечаурских удил // СА 4, 71–84.
- Тереножкин А. И.* 1976. Киммерийцы. Киев: Наукова думка.
- Толстов С. П., Итина М. А.* 1966. Саки низовьев Сырдарьи (По материалам Тагискена) // СА 2, 151–175.
- Техов Б. В.* 1980. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н. э. М.: Наука.
- Техов Б. В.* 1981. Тлийский могильник (комплексы IX — первой половины VII в. до н. э.). II. Тбилиси: Мецниереба.
- Техов Б. В.* 2002. Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-пресс.
- Смирнов К. Ф.* 1961. Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР (МИА 101).
- Халиков А. Х.* 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. VIII–VI вв. до н. э. М.: Наука.
- Черненко Е. В.* 1968. Скифский доспех. Киев: Наукова думка.
- Чугунов К. В.* 2008. Плиты с петроглифами в комплексе Аржан-2 (к хронологии аржано-майэмирского стиля // Савинов Д. Г., Советова О. С. (ред.). Тропой тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвузиздат, 53–69.
- Шарафутдинова Э. С.* 1980. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (Кобяковская культура). Л.: Наука (САИ В1-11).
- Шрамко Б. А.* 1971. Исследования Бельского городища // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев: Наукова думка, 49–59.

- Шрамко І. Б.* 2006. Ранній період в історії геродотівського Гелону (за матеріалами розкопок зольника 5) // Черненко Є. В. (ред.). Більське городище та його округ (до 100-річчя початку польових досліджень). Київ: Шлях, 33–56.
- Шрамко І. Б., Буйнов Ю. В.* 2012. Переход от бронзы к железу в Днепро-Донецкой лесостепи // РАЕ 2, 309–332.
- Шульга П. И.* 2008. Снаряжение лошади и воинские пояса на Алтае. Часть I. Барнаул: Азбука.
- Шульга П. И.* 2013. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н. М. Мартянова). Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та.
- Эрлих В. Р.* 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.: Гос. Музей Востока.
- Эрлих В. Р.* 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.: Наука.
- Яблонский Л. Т.* 1996. Саки Южного Приаралья. М.: Тимр.
- Barnett R. D.* 1975. Assyrian sculpture in the British Museum. Toronto: Herzig Somerville Ltd.
- Boehmer R. M.* 1972. Die Kleinfunde von Boğazköy aus den Ausgrabungskampagnen 1931–1939 und 1952–1969. Berlin: G. Mann, 1972.
- Chochorowski J.* 1993. Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.
- Kossack G.* 1987. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // Franke E. (Hrsg.). Skythika. München: Bayerische Akademie der Wissenschaften, 24–86.
- Die Traker. Das goldene Reich des Orpheus. Der Katalog. 2004. Bonn: Philipp von Zabern.
- Furtwängler A., Knauf F., Motzenbäcker I.* 1999. Archäologische Expedition in Kachetien 1998 // EuA 5, 233–270.
- Goldman H.* 1963. Excavations at Gözülü Kule, Tarsus. Vol. III. The Iron Age. Princeton: Princeton University Press.
- Mikami T., Omura S. A.* 1992. Preliminary report on the second excavation at Kaman-Kalehöyük in Turkey (1987) // Prince Takahito Mikasa H.I.H. (ed.). Cult and Ritual in the Ancient Near East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 23–35.
- Schmidt K.* 2002. Norşuntepe. Kleinfunde II. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern.
- Yağçıklı D.* 2006. Eisenzeitliche Pfeilspitzen aus Anatolien // Pfeilspitzen. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 213–298.
- Yukishima K.* 1998. Metal arrowheads at Kaman-Kalehöyük // Studies on Anatolian Archaeology. Vol. VII. Tokyo, 183–204 (in Japanese).